

Андрей Ланиус

Ущелье Али-Бабы

18+

Хроники недавнего времени

Андрей Ланиус
Ущелье Али-Бабы

«Автор»

2009

Ланиус А.

Ущелье Али-Бабы / А. Ланиус — «Автор», 2009 — (Хроники недавнего времени)

Поиск сокровищ спрятанных в Средней Азии.И вообще ,Восток -дело тонкое,здесь тоже умеют расставлять ловушки.Продолжение - роман "Островок"

© Ланиус А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Глава	5
1. ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ	6
2. БЛОНДИНКА ЗА УГЛОМ	15
3. ВЕРБОВКА «ПРОСТАКА»	22
4. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ...	27
5. ПУСТЫНЦЕВ, ОН ЖЕ «АЛИ – БАБА»	32
6. ИСТОРИЯ ПУСТЫНЦЕВА, ПОВЕДАННАЯ ИМ ЖЕ	35
7. ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВИЯ	43
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Ущелье Али-Бабы

Глава

1. ОПАСНОЕ ЗАДАНИЕ

– Ну, вот что, Ярослав, не стану скрывать от тебя правды: на сей раз нам предстоит не просто серьезная, но и крайне опасная акция. Акция, основную часть работы по которой должен выполнить ты... – этими словами встретил меня Дед на пороге своего жилища.

Сотрудников, которым предстояло отправиться на задание, Дед всегда приглашал к себе домой на чашку кофе. Разговор чаще всего состоялся обстоятельный и предельно конкретный. Дед, как правило, готовил акции заранее и учитывал всякую мелочь, добывая информацию по каналам, ведомым ему одному. А главное, у него всегда были ответы на все вопросы.

Но сейчас – я чувствовал это по легким нюансам его поведения – он сам пребывал в некоем замешательстве.

– Ты вправе отказаться от задания, – произнес он ритуальную фразу, которую каждый из нас слышал от него довольно часто. Но еще никто не ответил ему на это предложение согласием.

Я просто промолчал.

– Ладно, – вздохнул он. – Тогда не будем терять времени. Тем более что через два-три часа ты должен, как говорится, вступить в первый бой. Извини, так сложились обстоятельства.

– Я готов.

– Рад слышать... – он встал и снова сел. Несколько секунд его глазки изучали мою слегка помятую физиономию. – Это будет очень опасная поездка, Ярослав, – повторил он.

Я не мог припомнить другого случая, когда он повторял что-либо дважды. Невольно подумалось, что дело и вправду серьезное, раз уж сам Дед немного не в своей тарелке.

– Но я надеюсь, что ты сумеешь выкрутиться, сынок, – добавил он почти с отеческой нежностью. – Всё произошло как-то быстро. Можно сказать, стремительно. У меня не было времени подготовиться должным образом. На этот раз придется импровизировать. Но когда ты уедешь, я подумаю, чем еще смогу тебе помочь.

Он снял свои старомодные очки и с минуту протирал их большим носовым платком в крупную клетку. Когда он снова надел очки, передо мной сидел уже другой человек, который не станет извиняться и мямлить, посылая вас на верную смерть. Риск входил в условия нашей работы. Все об этом знали, и лишние разговоры на эту тему у нас считались суесловием. Затеивать их мог только Дед, и лишь для того, чтобы дать выход некоей толике своей сентиментальности. Но, похоже, процесс выпуска пара завершился. Меня ждал инструктаж.

Дед сложил руки перед собой и заговорил:

– Итак, Ярослав, сначала коротко об этапах твоей работы. Сегодня вечером (тут я искоса глянул на часы, они показывали 17.10) ты должен свести знакомство с одной очаровательной дамой. При этом обязательно произвести на нее самое выгодное впечатление. У тебя получится, я знаю. А коли так, то не позднее завтрашнего утра эта дама предложит тебе совместную поездку в столицу солнечного Забайкалья город Читу. Ты согласишься. Но не сразу. Дашь ей возможность поуготоваривать тебя. Запомни главное на этом предварительном этапе: дама должна остаться в твердой уверенности, что встреча с тобой – это счастливая случайность на ее пути.

Я молчал. Задавать вопросы было еще рано. Хотя, по правде говоря, один вопрос уже вертелся у меня на языке: не уродина ли эта дама?

А Дед, между тем, продолжал:

– Из читинского аэропорта вы отправитесь на такси в поселок Атамановка, расположенный в тридцати километрах от города. Там ты познакомишься с родным дядей этой дамы, на которого должен произвести еще более благоприятное впечатление. А это гораздо труднее. В отличие от своей легкомысленной племянницы, дядя – человек битый, тертый и пронизатель-

ный. Но я уверен, что у тебя получится и это. – Дед подумал немного, пожевал губами и добавил: – Полагаю, в этой Атамановке ты проведешь несколько дней. Вместе с дамой. Но особо не расслабляйся, держи ушки на макушке. Дядя-то будет рядом. Предупреждаю: если он ущучит, что ты ведешь с ним какую-то игру, то попросту пристукнет тебя, а труп спрячет так, что даже я найти не смогу.

– Но это еще только цветочки! – догадался я.

– Верно мыслишь! – просиял Дед. – Цветочки! Ягодки впереди. Итак, если ты внушишь дядюшке безграничное доверие, то он расскажет тебе одну историю – красивую, но совершенно лживую. Однако ты должен естественным образом показать, что веришь в нее. Это еще один проверочный тест. Если дядюшка поверит в то, что ты поверил в его лапшу, то он предложит тебе выполнить одно якобы простенькое поручение, обещая хорошо заплатить за хлопоты. Это поручение будет связано с поездкой в экзотические места...

Тут Дед поднялся, прошел к стене, часть которой закрывала шторка, и сдвинул последнюю. За шторкой висела физическая карта горной системы Памиро-Алай, как следовало из надписи наверху. Зеленого цвета, которым обозначаются равнины и долины, на этой карте почти не было. Зато ее густо покрывали крупные темно-коричневые разводы с белыми блямами, соответствующие горным хребтам, высокогорьям и ледникам.

Рядом с картой на маленьком крючочке висела указка. Такова была одна из причуд нашего Деда.

Дед снял ее и ткнул острым концом в верхнюю часть карты.

– Смотри, Ярослав, вот это – Туркестанский хребет. Вот здесь – видишь – тонюсенькая синяя загогулинка. Это горная река под названием Ляйляк. Здесь, на карте, она похожа на обрывок шелковой ниточки. В действительности же это неширокая, но довольно бурная, шумная, стремительная речка с ледяной водой. Местами она образует водовороты, в которых вырванные с корнем деревья кружатся, словно щепки, а местами сбавляет прыть, становясь настолько мелкой, что ее можно переехать на мотоцикле, не замочив спиц. – Он сделал паузу, хмыкнул и продолжал: – Но штука в том, что эта река протекает по дну уникального ущелья. Ущелья с совершенно отвесными стенами. В тех местах, где ты окажешься, их высота превышает 40-этажный небоскреб. Ширина ущелья – километр с гаком. Представляешь картину? В этом ущелье, в самом сердце гор, на берегу речки, которая на этом участке кажется спокойной, раскинулся горный кишлак Ак-Ляйляк, что в переводе означает «Белый аист». Кишлак по горным азиатским меркам довольно велик – около сотни дворов. А поскольку в каждом дворе обитает семья численностью не менее десяти человек, то население, как понимаешь, весьма солидное. Территориально кишлак относится к Таджикистану, но тут сходятся границы еще двух наших бывших союзных республик – Узбекистана и Киргизии, так что население там весьма пестрое и живет, подчиняясь своим законам и традициям, выработанным веками. За кишлаком ущелье быстро сужается, местами становится плохо проходимым, а еще через 10-15 километров в нем появляются каменные завалы. В той стороне никакого жилья уже нет. Ак-Ляйляк – это конечный пункт в длинном каменном чулке. Сюда-то тебя и направит наш хитрец из Атамановки!

Слушая Деда, я пришел к выводу, что ему, наверняка, доводилось лично побывать в тех местах. А может даже, исходить горы вокруг этого кишлака вдоль и поперек. Впрочем, где он только не бывал, наш Дед!

А он продолжал:

– В горных условиях, как сам понимаешь, выживать нелегко. Когда-то там занимались овцеводством, ткали ковры, шили каракулевые папахи. Но после развала Союза нашелся более выгодный бизнес, правда, нелегальный. В горах, куда практически не заглядывают чиновники из города, многие жители начали разводить маковые и конопляные плантации. Появились и свои курьеры для переправки зелья в платежеспособные регионы... – Тут он энергично зама-

хал руками: – Нет-нет, бороться с наркомафией мы не будем! Это не наша задача. Я всего лишь хочу, чтобы ты усвоил: производство наркотиков заставляет паханов кишлака, да и всех его жителей с подозрением относиться к любому незнакомому человеку. Даже если приезжий имеет какую-то вескую причину для визита в этот затерянный мир, в нем всё равно видят тайного агента не то центральной власти, не то Интерпола, не то американской, не то русской разведок, которые все вместе якобы хотят лишить их источника надежного дохода, позволяющего сводить концы с концами. Любой новичок становится объектом слежки, причем за ним зорко следят не только приближенные верховного главара, но даже местные мальчишки. Таков уж здешний менталитет! Ты будешь находиться на дне глубооченного ущелья, где из-за отвесных стен ночь наступает гораздо раньше, чем в долине, и, тем не менее, не сможешь отделаться от ощущения, что ты – а аквариуме. Ну, и конечно, если ты предпримешь один-единственный неверный шаг или дашь повод заподозрить тебя в повышенном интересе к их тайным плантациям, то вряд ли доживешь до следующего утра. С тобой случится вот что, и ты должен это знать: ночью тебя сбросят с отвесной стены, а наутро твой изуродованный труп с почестями привезут в долину на машине. При этом вся тысяча жителей подтвердит, что ты сорвался сам, по собственной неосторожности. Да, впрочем, никто и расследовать обстоятельства твоей гибели не станет.

– Смерть в горном кишлаке, несмотря на всю ее экзотичность, пока не входит в мои планы, – успокоил я Деда. Полагаю также, что не дам ни малейшего повода славным обитателям Ак-Ляйляка заподозрить меня в покушении на их нелегальные доходы. Но ведь чем-то я там буду заниматься?

– Разумеется, – кивнул Дед. – И мы уже вплотную подошли к этому. – Он снова сжал в руке указку. – Как я уже говорил, за кишлаком нет никакого другого жилья. Нет там и плодородной земли. Сплошной камень. Этот камень местные жители иногда привозят в свои дворы для хозяйственных нужд. Между прочим, там выстроены из камня многие сараи, хозяйственные сооружения, дувалы и все без исключения фундаменты домов. Словом, каменный кишлак. Понятно, что для постройки берут камень определенного размера. А там, в горах, попадаются валуны и поболее железнодорожного вагона. А еще в ущелье за кишлаком встречается множество пещер... – Он хмыкнул: – Вот мы и подошли к главному. Где-то там, в одной из пещер находится тайник. Лет 12-13 назад в этот тайник был помещен небольшой сундучок. Размером с микроволновку. Содержимое сундучка в точности мне неизвестно. Но я знаю определенно, что там покоится увесистый мешочек с бриллиантами. Это раз. Ларец с ажурными золотыми изделиями, изображающими расправившего крылья беркута. Это два. А еще – пухлая канцелярская папка с бумагами, тесемки на которой едва сходятся.

– Я так понимаю, что нас интересует именно эта папка, – предположил я.

– Да, Ярослав, – кивнул он и облизал свои тонкие губы (признак сильного волнения). – Впрочем, бриллианты тоже советую прихватить. А также ларец с золотыми беркутами. Они нам не помешают.

– Что в этой папке? – спросил я.

Он задумался на минуту.

– Думаю, будет лучше для всех, если до завершения операции ты не будешь знать об этом.

– Итак, моя задача – найти тайник, который находится неизвестно где, взять папку, о содержимом которой я понятия не имею, и благополучно улизнуть из горного кишлака, в котором с подозрением относятся ко всякому чужаку, верно? – подытожил я.

По выражению глаз Деда я готов был поклясться, что всё именно так и обстоит.

Но он сказал другое:

– Подожди, сынок. Всё не так безнадежно. Ты еще не получил полной информации. О точном местонахождении тайника знали всего два человека. Один из них давно обитает в царстве мертвых. В живых остался второй.

– Он находится в кишлаке?

– Он находится в поселке Атамановка. К нему ты и поедешь. С его милой племянницей.

– Та-ак... И кто же он такой? Нельзя ли теперь чуточку подробнее?

– Это некто Пустынцев Алексей Гаврилович, 64-х лет. Кличка – «Али-Баба». Совсем недавно он освободился из мест лишения свободы и осел в тех же краях, в Забайкалье, на некоторое время. Тут у него свой умысел, о котором ты узнаешь чуть погодя. – В глазах Деда сверкнули плутоватые искорки: – По правде говоря, сидеть ему оставалось еще три года, однако же, его освободили «за примерное поведение и добросовестное отношение к работе».

– Стандартная формулировка.

Дед вздохнул:

– Тебе, Ярослав, я могу сказать, что его досрочное освобождение обошлось мне в кругленькую сумму, не считая массы хлопот. Помнишь, перед твоим «побегом в Аргентину» я ездил в Сибирь? Так вот, я устраивал досрочное освобождение Пустынцева, что стало для него большим сюрпризом. Понятно, что сам я оставался при этом за кадром. О том, что из зоны его вытащил кто-то, кому он нужен, Али-Баба пока не догадывается.

– Понимаю.

– Он – единственный человек, который может нас привести – и приведет! – к драгоценному сундучку. Вот почему я вытащил его на волю! Я знал, что едва он освободится, как тут же начнет строить планы овладения сундучком. Точнее, его содержимым.

– У меня вопрос, Дед. Почему вы сделали это только сейчас? Почему не раньше?

– К сожалению, еще недавно я считал его погибшим. И лишь по чистой случайности узнал, что он жив и находится в колонии строго режима за очередное преступление.

– Что-то тут опять не вяжется... – напрямую высказался я. – Для чего ломать столько дров? Разве не проще было навестить его на зоне под каким-либо предлогом, проникнуть в его подсознание, получить ясный ответ на вопрос, где именно находится тайник, а уж затем придумать, как выудить оттуда сундучок? Хотите, я возьму это на себя?

– Ни-ни-ни! – энергично замахал он руками. – И думать не смей! Если бы всё было так просто! Не все люди поддаются внушению. Ты ведь знаешь, что есть чрезвычайно редкий тип невнушаемых субъектов. Персон с необыкновенно развитой силой воли. Вот к ним-то как раз и относится Али-Баба. С виду весельчак и балагур, душа нараспашку, он по натуре – человек-камень. Режь его на куски, он будет хохотать в лицо. Попытка же расколоть его методом НЛП может привести к известному тебе казусу Вейнера. Подсознание, защищаясь, выдаст информацию, лишь внешне похожую на истинную, и ты уйдешь по неверному пути далеко в сторону. Нет, с ним нужно играть по другим правилам.

– Судя по тому, что я услышал, этот Пустынцев – крепкий орешек, – констатировал я.

– Именно это я и пытаюсь тебе сказать! – эмоционально подтвердил Дед. – А еще он – хитрый и осторожный, коварный и недоверчивый, обаятельный и рискованный. Он великолепно разбирается в людях, легко входит в доверие. Носит маску этакого простака. Но учти: этот типчик видит на много ходов вперед.

Хотел бы я, чтобы Дед когда-нибудь столь же лестно отозвался обо мне!

– Ясно... Но тогда напрашивается логичный вопрос: почему сия неординарная личность отсиживается в какой-то Атамановке, вместо того, чтобы взять курс на горный кишлак? И завладеть сундучком, не вмешивая сюда посредников?

– Сейчас я коротко расскажу тебе его историю, – кивнул Дед, – и ты сам всё поймешь. Вот слушай...

В середине 80-х годов в небольшой гористой среднеазиатской республике гремело имя Гафура Мирзоева – директора агропромышленного объединения, ударника труда, кавалера многих орденов и почетных званий. Занимаемый им пост сам по себе был невелик, вдобавок его хозяйство располагалось в глубинке, до которой у властей и в ту пору не всегда дохо-

дили руки. Район считался проблемным. Но Мирзоев, возглавив его, в считанные годы добился невиданного благополучия. По всем показателям агропром Мирзоева вышел в лидеры. Его неизменно называли в числе умелых, мыслящих руководителей на всех совещаниях вплоть до Москвы, о нем охотно писала центральная пресса. У себя же в республике Мирзоев стал непререкаемым авторитетом, войдя в когорту «неприкасаемых». Сам он был родом из кишлака Ак-Ляйляк, где его чтили, как земляка, выбившегося в большие люди. Справедливости ради надо отметить, что и он, пользуясь своим влиянием, сделал для земляков немало доброго: в кишлак провели асфальтированную дорогу, электричество, построили дворец культуры, нуждающиеся получали беспроцентные ссуды, а в ряде случаев и безвозвратные...

– Словом, добрый царек? Вернее, красный бай?

Дед только вздохнул:

– Уже тогда ходили упорные слухи, что авторитет Мирзоева зиждется на огромных средствах, которые он получает от незаконного оборота наркотиков. Иными словами, став хозяином глубинного района, привечая и подкармливая чиновников из центра, он добился полной бесконтрольности. В отдаленных горных ущельях, куда не ступала нога постороннего, цвели плантации мака и конопли, охраняемые нукерами из конно-спортивного клуба. Да-да, этот Мирзоев еще был и большим поклонником местных видов спорта. Джигитовка, козлодрание и прочее. Он организовал конно-спортивный клуб, где постоянно готовились к состязаниям около полутора сотен якобы спортсменов, владевших как приемами восточных единоборств, так и стрелковым оружием. Но фактически это было войско Мирзоева, которое охраняло его самого, тайные плантации, а также устраняло всякого рода правдолюбцев. Известно, по меньшей мере, три случая, когда в Ак-Ляйляке горели каменные дома, причем никто не спасся, сгорали целыми семьями. Были также случаи, когда люди срывались в пропасть, гибли в автомобильных авариях или от змеиных укусов. Конечно, всю эту карусель Мирзоев крутил не один. Были у него два верных помощника, на которых он полагался во всем и которым доверял больше других. Это его близкий родственник Джамал и уже известный тебе Пустынцев.

– Пустынцев? – удивился я. – Как же этот матерый русак затесался в сугубо азиатскую компанию?

– Они с Мирзоевым учились в одном институте в Ташкенте, жили пять лет в одной комнате общежития и сдружились на почве общих интересов. Когда Мирзоев пошел в гору, то вспомнил о Пустынцеве, которого еще в студенческие годы прозвал «Али-Бабой», и пригласил его для серьезного разговора. Словом, они нашли друг друга. Притом, что этого требовала логика. Ведь Мирзоев прокладывал тайные каналы поставки наркотиков в центр и на северозапад Союза, имея планы выйти в будущем на Европу. И для этого ему был нужен надежный человек славянского происхождения. Пустынцев не подкачал. Он придумал такую схему поставки наркотиков, что даже поимка одного или нескольких наркокурьеров не выводила на среднее звено, не говоря уже о высшем. Что же касается Джамала, то он возглавлял конно-спортивный клуб и командовал этими нукерами, готовыми выполнить любую команду хозяина. Но между собой Пустынцев и Джамал враждовали. Джамал ненавидел Пустынцева, ревнуя его к хозяину. И, наконец: где-то в ущелье, за кишлаком, который являлся опорной базой Мирзоева, он, Мирзоев, устроил тайник для особо значимых ценностей и бумаг. Причем, Джамал не знал о месте расположения тайника. А вот Пустынцев знал. Собственно, тайник и строился под его руководством. Исполнителями были каменотесы из города, которые на период работ жили тут же, в ущелье. Закончив работу и получив обещанное щедрое вознаграждение, каменотесы отправились домой. Уже при выезде на трассу на их микроавтобус налетел тяжелый грузовик. Никто не выжил.

Дед помолчал немного, затем продолжил:

– Во второй половине 80-х в Средней Азии началось раскручиваться так называемое «хлопковое дело». Были арестованы многие местные царьки и байы и даже кое-кто из первых

лиц некоторых республик. Следственная бригада из Москвы добралась и до Мирзоева. Но не хватало улик. Люди боялись давать показания. Наконец, двое жителей Ак-Ляйляка на определенных условиях согласились свидетельствовать против Мирзоева. Под защитой бронетранспортера и взвода автоматчиков их повезли в город. Но на горном серпантине колонна попала под камнепад. Огромный валун сбросил узик со свидетелями в пропасть. Свидетели погибли, а Мирзоев вышел сухим из воды. Есть сведения, что камнепад устроил Пустынцев, рассчитав так, чтобы катящиеся валуны накрыли цель. Таким образом, он спас своего старого друга от неминуемого ареста и осуждения...

Дед горько вздохнул:

– Нет, рано или поздно Мирзоев всё равно был бы разоблачен, но тут всё пошло кувырком. Рухнула империя. В Таджикистане это привело к гражданской войне. На какой-то период в республике возник полный вакуум центральной власти. Клан Мирзоева воспользовался выгодами ситуации на все сто. Еще в ходе афганской кампании этот делец установил связи с тамошними наркобаронами, а ведь там вакуум центральной власти был всегда. После вывода наших войск этот мост работал с предельной нагрузкой в течение нескольких лет. Наркотики поступали во владения Мирзоева сплошным потоком. А затем по каналам, налаженным Пустынцевым, уходили на север. В этот период Мирзоев сказочно обогатился и стал претендовать на некую более значимую роль в регионе, короче, заболел «манией Наполеона». Вернее, «манией Чингисхана». Вот тут-то у них с Пустынцевым что-то произошло...

– Не поделили жирный пирог, – предположил я.

– Хозяином пирога однозначно был Мирзоев. Другие варианты исключались. Нет, тут что-то другое, – в сомнении покачал головой Дед. – Впрочем, сейчас не время вступать на зыбкую почву догадок. Что же касается известных мне фактов, то они таковы. Однажды Мирзоев вместе со своим «штабом» прибыл на отдых в Ак-Ляйляк, ведь только там он чувствовал себя спокойно, не боясь получить пулю из-за угла от конкурентов. В один из дней у них с Пустынцевым произошел важный разговор. Они уединились в особой комнате резиденции Мирзоева и о чем-то громко спорили. Да, достаточно громко. И всё же разобрать слов было нельзя. Чувствовалось только, что Пустынцев пытается в чем-то убедить главаря, а тот не соглашается с ним. Затем они вышли во двор и сели в джип: Мирзоев на заднее сидение, Пустынцев – за руль. Джип двинулся к той околице кишлака, за которой ущелье сужается. За ними, естественно, последовал Джамал с охраной. На берегу реки джип остановился. Мирзоев подозвал к себе Джамала, велел ему оставаться на месте и ждать их возвращения. Затем джип пересек речку – в том месте она течет по галечной отмели – и направился вдоль берега выше по течению. Правда, дороги за кишлаком уже нет, но, двигаясь вдоль реки, можно углубиться в горы еще на полтора-два километра. Видимо, тайник находится где-то именно на этом отрезке. Следует подчеркнуть, что на то момент тайник уже не являл собой «пещеру сокровищ», каковым он фактически был в советский период, когда Мирзоеву грозил арест и обыск. Обретя возможность хранить свои доходы в иностранных банках, Мирзоев так и поступил. Тайничок заметно опустел. Теперь здесь находились лишь «оперативные материалы», если можно так выразиться. Мешочек с бриллиантами, которые он любил перебирать время от времени. Комплект золотых значков с изображением беркута, значков, изготовленных восточными мастерами по его спецзаказу. Следуя примеру своего кумира Чингисхана, Мирзоев рассчитывал в недалеком будущем вручать этих милых птичек доверенным лицам в качестве знака особой милости – пайцзы, или басмы. Там же хранилась папка, которая оказалась в его руках буквально накануне. Возможно, в тайнике еще находились деньги на текущие расходы, но нас в данной ситуации они не должны интересовать.

Мамалыгин снова отпил кофе и продолжал:

– О том, что произошло в горах между двумя старинными приятелями можно только гадать. Но из этой странной поездки вернулся лишь один из них. Пустынцев. Несмотря на

засаду, устроенную предусмотрительным Джамалом, нашему герою каким-то чудом удалось прорваться сквозь оцепление. Началась погоня. Преимущество было на стороне нукеров, но Пустынцев, отстреливаясь, сумел поразить водителя автомобиля с преследователями, и тот рухнул в пропасть. Погибли все, кто в нем находился, и только Джамал успел в последнюю минуту уцепиться за куст, нависающий над обрывом. Но и за эту удачу ему пришлось дорого заплатить: на острых камнях он сломал ногу и лишился глаза. Пустынцев же, заметив, что Джамал уцелел, остановил джип и вышел на дорогу, держа пистолет в руке и намереваясь, надо полагать, добить заклятого врага.

« Ну, что, Джамал, – сказал ему Пустынцев. – Отправишься сейчас к Аллаху. Присоединишься к своему хозяину, будь он неладен! А когда шум немного уляжется, я вернусь сюда и заберу то, чего не смог забрать сегодня. Бриллианты, золото, а главное – папку...» Он прицелился и выстрелил. Осечка!

Вдруг выстрелы зазвучали откуда-то сверху. Над дорогой, над гребнем обрыва, показались несколько нукеров, которые охраняли неподалеку маковые плантации. Заслышав подозрительный шум, они прискакали к обрыву. Пустынцев вынужден был спасаться бегством. У него не оставалась даже секунды, чтобы добить врага, которому он неосторожно выдал жгучую тайну.

Нукеры вызволили Джамала и увезли в больницу.

Одновременно начались поиски Мирзоева. Нукеры обследовали всё ущелье, но хозяина так и не отыскали. Нашли, правда, его тибетейку и чувяки, которые он всегда носил на отдыхе. А также его именной пичок в ножнах, с которым он никогда не расставался... – Тут Дед искоса взглянул на меня, хмыкнул и пояснил: – Чувяки – это мягкая обувь вроде наших галош. А пичок – национальный нож из твердого сплава с остро отточенным лезвием. Ну, вот. Куда подевался Мирзоев? Подняться вверх он не мог. Стены ущелья абсолютно отвесны, а альпинист из толстобрюхого Мирзоева был неважный. Двигаться вглубь ущелья ему было просто бессмысленно. Он мог спрятаться разве что в одной из пещерок. Искали до позднего вечера. Поиски собирались продолжить и ночью. Вернулись в кишлак за факелами и фонарями. Как вдруг из глубины ущелья послышался жуткий вой. Нукеры так и застыли на месте, решив между собой, что их хозяина утащил шайтан. Так это или нет, но только Мирзоева с той поры никто не видел, зато из ущелья и поныне доносится по ночам жуткий вой. Особенно, в безлунные ночи.

Что касается Джамала, то, поправившись, он прибрал к своим рукам наследство Мирзоева. Но у Джамала не оказалось широты и деловой хватки прежнего хозяина, и постепенно конкуренты обскакали его. В конце концов, Джамал остался хозяином одного-единственного кишлака – Ак-Ляйляк. Но здесь он действительно полный хозяин. По-прежнему получает доход с тайных плантаций мака и конопли, по-прежнему имеет в своем распоряжении отряд конных нукеров, которых, правда, у него сейчас не полторы сотни, а едва ли три-четыре десятка, но этого достаточно, чтобы держать в повиновении местных жителей.

А еще у Джамала есть заветная мечта: рано или поздно пленить ненавистного Пустынцева и предать неверного медленной, мучительной казни. Джамал – по-восточному терпеливый человек. Он знает, что однажды Пустынцев вернется в горный кишлак за сундучком. И ждет его. Ждет, несмотря ни на что.

– Линия Джамала мне более или менее ясна. А что Пустынцев? Сразу угодил в тюрьму?

– За кого ты его принимаешь?! Как человек предусмотрительный, Пустынцев загодя припас новые документы и отложил немалую сумму на черный день. Но первым делом он инсценировал собственную гибель в автоаварии на горной дороге. Инсценировал весьма умело, причем так, что на месте аварии остались его полуобгоревшие прежние документы. Я и сам долгое время считал его покойником, – сокрушено признался Дед. – А Пустынцев под новым именем растворился на просторах нашего несколько усохшего, но всё еще обширного отечества. Пластическую операцию делать, правда, не стал. От наркобизнеса, разумеется, ему пришлось

отойти, иначе прежние подельники вмиг вычислили бы его по хватке. Пустынцев осел в богатом регионе и занялся рэкетом. Сколотил бригаду и начал снимать сливки. Постепенно наш герой сколотил капитал и решил заняться легальным бизнесом, тем более, что подвернулся бойкий компаньон, утверждавший, что имеет широкие связи за океаном. Компаньон оказался всего лишь ловким мошенником. Когда Пустынцев разобрался что к чему, тот уже успел перевести все денежки в оффшорную зону на подставной счет. Правда, сам убежать не успел. Разъяренный Пустынцев перехватил его в последний момент и, кажется, впервые в жизни утратил контроль над собой. Словом, он свернул пройдохе шею, но при этом был взят с поличным на месте преступления и в итоге осужден на 12 лет. На девятом году его заключения в том же лагере оказался некий отморозок, состоявший когда-то в конно-спортивном клубе Мирзоева и оставшийся не у дел после гибели хозяина. В бородатом матером басмаче, в которого превратился некогда безусый юнец, Пустынцев не узнал прежнего бойца из Ак-Ляйляка. Зато тот узнал его сразу и по цепочке передал эту новость на родину. Таким образом, Джамал одним из первых узнал, что его заклятый враг жив.

– Разве он не мог подослать к нему наемного убийцу?

– Зачем?! – изумился Дед, затем укоризненно посмотрел на меня: – Ярослав, это же Восток! Во-первых, Джамал **лично** хочет разрезать Пустынцева на куски. Этого сладостного удовольствия он не уступит никому. Во-вторых, он, Джамал, прекрасно знает, что после освобождения Пустынцев, который на старости лет остался без средств к существованию, обязательно придет за сундучком. Джамал надеется одним ловким ходом поймать двух зайцев: завладеть и пленником, и сундучком. Он, несомненно, знает, что Пустынцев освободился досрочно. И теперь ждет. Ждет появления Пустынцева. Вот тогда и наступит развязка этой многолетней истории. Нукеры уже приведены в состояние полной боевой готовности. У каждого есть цветной портрет Пустынцева и его фото в полный рост.

– Но ведь Пустынцев, наверняка, понимает это?

– Конечно! Ехать в Ак-Ляйляк – это верная гибель для него. Но и добраться до сундучка необходимо. Иначе – богадельня. А он еще крепкий мужчина и хочет пожить в свое удовольствие. Несомненно, он придумал какой-то нестандартный ход. И в этой игре ему нужен подходящий помощник. Вот я и предлагаю сыграть эту роль тебе.

– Ага, мы, кажется, добрались от устья до истоков?

Дед добродушно улыбнулся:

– На Васильевском острове живет племянница Пустынцева – некая Ирина Вячеславовна Субботина. Ее отец, ныне покойный, и наш герой – родные братья. Кстати говоря, наш Пустынцев всегда заботился о своих родственниках, поддерживал их материально. В прежние времена не раз приезжал в Ленинград, и с единственной племянницей у него сложились самые доверительные отношения. Полагаю, какое-то время спустя после своей мнимой гибели он всё же дал знать Ирине, что жив, но вынужден скрываться. Нет, для нее это не было тайной. И вот на днях Ирина получила от горячо любимого дядюшки очередную весточку. В своем письмеце дядя просит ее приехать к нему в поселок Атамановка под Читой для важного разговора, результаты которого могут обеспечить будущее всей семьи. Но при этом дядя просит ее взять с собой спутника, который не боится риска и которому она доверяет на все сто. Мол, этот человек тоже не останется в накладе. А буквально сегодня утром между ними состоялся полный намеков телефонный разговор. Ирина подтвердила свою готовность ехать, сообщила, что у нее есть на примете подходящий человек и что сегодня вечером она непременно добьется его согласия. Теперь понимаешь, почему мы вынуждены спешить?

По той уверенности, с какой говорил Дед, нетрудно было догадаться, что письмо вчерашнего зэка побывало в его руках. Как и запись телефонного разговора между дядюшкой и племянницей.

– Ты должен занять место это человека! – тихо воскликнул Дед.

Я счел момент подходящим.

– Хорошо бы узнать побольше об этой даме. А заодно взглянуть на ее фотографию.

– Ах, да! – Дед достал из ящика стола стопку фотографий и, держа их перед собой, принялся просвещать меня: – Это весьма привлекательная особа тридцати двух лет, разведенная. Белокурая, синеглазая, с развитыми формами. Работает в салоне красоты. Считается одной из лучших массажисток. Зарабатывает неплохо, вдобавок имеет иные источники дохода. К примеру, недавно купила шубку, стоимость которой равна ее двухлетней зарплате.

– Так-так... – мне уже стало интересно.

– Не совсем то, о чем ты подумал, – заметил Дед. – Вокруг нее вертится уйма кавалеров из числа состоятельных господ, причем многие бывшие любовники периодически пытаются восстановить былые отношения. Видимо, есть в ней что-то такое, что ценит наш брат, хм. Некая авантюрная жилка, которая придает ее прелестям особый шарм. Можешь не сомневаться, что спутника она найдет. Но этим спутником должен стать ты! – снова напомнил он.

Тут я деликатно взял фотографии из его рук.

Блондинка и вправду была привлекательная. И авантюрная жилка чувствовалась даже по фотографии. Мне хорошо знаком этот тип женщин. Они не изнуряют себя утомительной диетой, поскольку их природная конституция такова, что у них всегда всё в полном порядке. Слегка подрисовать глаза и губы, подправить кокетливый завиток волос, надеть стильное платье с глубоким декольте, и вот уже можно смело появляться в любом обществе. На душе у меня сразу же стало теплее. Но и вопросы продолжали плодиться сами собой.

– Так-так... Ну, допустим, мы с Ириной появимся в этом самом Ак-Ляйляке. Белокурая фигуристая секс-бомба в сопровождении мужчины явно не восточного типа. Что подумает по этому поводу Джамал? А также прочие обитатели кишлака?

– Тут и гадать нечего. Он сразу поймет, что вы за птицы. Поймет, что вы посланы Пустынцевым в разведку. Именно в разведку. Джамал никогда не поверит, что Пустынцев мог открыть кому-то тайну сундучка. Вот на этом и надо сыграть.

– А не проще ли сделать Ирину своей союзницей, открыв ей некоторые карты и предложив твердую компенсацию?

– Нет уверенности, что она пойдет на это, – вздохнул Дед. – В таком серьезном деле нельзя зависеть от женских капризов. Нет, не будем рисковать. Доверие Ирины тебе придется завоевать традиционными мужскими средствами.

– Давно не ухаживал за блондинками... – признался я.

– Нет-нет! – замахал он руками. – Никаких ухаживаний! На это уже нет времени!

– Ну и дела! Ухаживать – нет времени, влиять на подсознание – запрещено... Что же мне остается?

Дед посмотрел на часы:

– Остается творчески воплотить план, который уже подготовлен мною. Ты, Ярослав, выступишь в роли спасителя, благородного и отважного рыцаря. Тот женский тип, который олицетворяет госпожа Субботина, весьма падок на мелодраматические эффекты. Этим и воспользуемся. Детали тебе объяснит Артур – найдешь его сразу после нашей беседы. Всё последнее время он наблюдает за Ириной и прослушивает ее телефоны. -

Дед поднялся: – Удачи тебе, сынок! Не забывай регулярно выходить на связь и береги себя!

2. БЛОНДИНКА ЗА УГЛОМ

Наш «чистильщик» Артур – ладно скроенный, сдержанный парень – рассказал мне об Ирине следующее.

Дамочка определенно относится к числу тех персон, которые считают, что вселенная создана для того, чтобы вращаться вокруг их драгоценных особ.

У нее масса знакомых – как мужчин, так и женщин. Она очаровывает, умело интригует, сводит, разводит, мирит, ссорит – словом, царствует в своем маленьком мирке. У нее уйма поклонников разной степени близости, и она жонглирует ими, как циркач шарами.

Роковой красавицей не назовешь, но изюминка в ней есть. Этаким сладкий кекс, сдобная булочка. Ангельская улыбка, мягкие манеры, томность в очах, но, по сути, это холодное и расчетливое существо, которое не упустит своей выгоды. Любит застолье, рестораны, вечеринки, где обычно становится центром внимания. Возможных соперниц жестко вытесняет. Умеет пить. Любимый напиток – ликер «Адвокат». В своих действиях никому не дает отчета. Склонна к минутному капризу. Обожает «висеть на телефоне». Говорить может часами. И вообще не считает, что «молчание – золото».

В последние сутки интенсивно обзванивала знакомых мужчин. В середине разговора, как бы между прочим, сообщала со вздохом, что собралась проведать больного забайкальского родственника, но боится лететь одна в такую даль. Родственник, дескать, одинокий вдовец, обитает в собственном уютном домике... Намек достаточно прозрачный. Можно не сомневаться, что многие согласились бы сопровождать Ирину, надеясь на ее пылкую благодарность, но... Это всё занятой народ: бизнесмены, банкиры, ответственные чиновники. Сейчас, в конце сезона летних отпусков, они никак не могут забросить дела «на десять-двенадцать дней», как того требует Ирина. Ну, никак! Тем более она намекает, что «возможно, на обратном пути придется заскочить на пару дней еще в одно местечко».

Но сегодня утром дал предварительное согласие некий Леонид Карпухин, владелец небольшого частного предприятия по закупкам кожевенного сырья. Видимо, он решил, что шкуры подождут. Как нетрудно было заключить из их милой беседы, пару лет назад, когда бизнес у Леонида шел в гору, они пережили бурный роман. Затем Ирина бросила наскучившего любовника, у которого, как нарочно, именно в этот период появились крупные долги. Карпухину всё же удалось удержаться на поверхности. Впоследствии он предпринимал настойчивые попытки возобновить отношения с Ириной, но она не шла на контакт. А тут вдруг позвонила сама. Он страшно обрадовался ее звонку и заранее согласился на все условия, особенно после того, как узнал, что в Атамановке они будут находиться вдвоем под одной крышей.

Но вряд ли сама Ирина довольна своим выбором. Видимо, она использовала последний шанс.

Карпухин – довольно трусоватый и осторожный тип, семейный, 47-ми лет.

Сегодня в семь вечера они встречаются в ресторане «Джокер» на набережной канала Грибоедова. Надо полагать, Ирина начнет жестко прессинговать своего партнера.

Затем мы обсудили план предстоящей операции. В целом, возражений у меня не было. Но всё же я внес кое-какие коррективы, особенно по части ликера «Адвокат».

Между тем, надо было спешить: времени оставалось в обрез, а мне еще предстояло ознакомиться с окрестностями «Джокера», где предстояло разыграть волнующим событиям.

Через четверть часа мы были на месте.

Ресторан занимал два этажа углового здания. Стекло, плитка, навесы с полосатыми тентами... У входа красовался «джокер», изготовленный, должно быть, из папье-маше, смахивающий на паяца, каким его изображают на игровых картах.

Впрочем, сам ресторан сейчас меня не интересовал. Я обратил внимание, что, несмотря на близость к Невскому, уголок выглядел достаточно пустынным. Одно из соседних зданий находилось в ремонте, далее тянулись магазины и офисы, которые закрывались в семь вечера. Наверняка, после половины восьмого случайного прохожего здесь не встретишь. Разве что какие-нибудь туристы забредут невзначай. На противоположной стороне улицы, по направлению к центру, чернела подворотня, под которой и предстояло разыграть спектаклю.

Артур со знанием дела разъяснил мне диспозицию. Оказалось, что здесь продолжают друг друга три проходных двора. Последний из них выводит в параллельный, практически нежилой переулок. Дворы выглядели мрачно даже при солнечном освещении, особенно первый. Низкая, похожая на сырую нору арка, глухая стена, трансформаторная будка, загаженный закуток за ней... Прекрасное место для вечерней постановки!

Мы еще раз уточнили последовательность действий и реплик, после чего я направился к ресторану.

* * * * *

«Джокер» был заведением средней руки, с некоторыми претензиями на оригинальность интерьера. Большие зеркала на стенах, покрытых черным пластиком, отражали небольшой, уютный зал. Затейливые светильники создавали интимный полумрак. Квартет на эстраде ненавязчиво музицировал в стиле «ностальжи». За столиками, рассчитанными на две или четыре персоны, расположилась большей частью добродетельная публика, лишь в дальнем углу шумела подвыпившая компания.

Вдоль левой стены тянулась стойка бара, за которой я и приземлился, вызвав пристальное внимание двух девиц явно свободной профессии. Но я тут же напустил на себя пуританскую строгость, и они быстро потеряли ко мне всякий интерес.

Заказав рюмку коньяка и орешки, я погрузился в нирвану. Кишлак Ак-Ляйляк и злобный Джамал были где-то далеко-далеко, а Ирина должна была появиться вот-вот.

Через десять минут в зал вошла новая пара.

Ирину я узнал сразу. По ауре.

Обилие зеркал в зале позволяло спокойно изучать посетителей без риска быть застигнутым за этим занятием. Чем, собственно говоря, я и занялся.

Иногда фотографии врут. Но сейчас всё сходилось.

На миг я поймал в зеркале выражение ее ясных серых глаз – по-детски наивных и одновременно глубоко порочных – и почувствовал знакомое волнение. Эта женщина была в моем вкусе, что показалось мне добрым предзнаменованием.

Что касается Леонида, то он выглядел рядом со своей спутницей серым мышонком. Вовсе не из коротышек, он так сильно сутулился, что мог сойти за горбуна. Длинные залысины собирались вот-вот сомкнуться на его темечке, очертив поредевший хохолок надо лбом, с которого, как казалось, никогда не исчезают морщинки озабоченности. На мясистом носу сидели захватанные очки, с которыми он, похоже, не расставался пару десятков лет.

Войдя в зал, Леонид суетливо огляделся, как бы желая поскорее удостовериться, что не встретит здесь друга семьи или приятельницу жены. Лишь убедившись, что горизонт чист, он несколько успокоился. Весь его засушенный облик как бы иллюстрировал ту банальную истину, что жизнь прожить (всю жизнь или изрядный ее кусок) – не поле перейти. Так-так... И вот этого типчика она собирается подрядить на поиски таинственного сундучка? Опасные поиски, между прочим.

Они подошли к свободному столику у противоположной стены.

Я загадал: если он сядет лицом к залу, то я покорю ее, хотя это будет совсем непросто.

Ни секунды не размышляя, Ирина села лицом к залу.

Леонид протянул ей меню. Успокоившись окончательно на предмет случайной встречи с друзьями дома, он дал волю чувствам и сейчас буквально пожирал свою спутницу глазами.

Кажется, он всерьез был готов на любые безумства ради ее обманчивых ласк. Бедняга... Да ведь она попросту загрызет его и растерзает! И даже косточек не выплюнет.

Она пробежала глазами меню – так опытный брокер просматривает столбцы котировок, автоматически отмечая нужное. Затем что-то сказала, возвращая спутнику карточку, в которую тот тут же уткнулся носом. Ирина же тем временем исподволь оглядывала зал, задерживая взгляд на наиболее привлекательных женщинах и как бы сравнивая себя с ними.

А было, было что сравнивать. Я всё больше понимал, почему бывшие любовники продолжали тянуться к ней.

Леонид заказал бутылку коньяка, салаты, бастурму и десерт.

После первой рюмки Ирина оживилась и, склонившись над столом, начала что-то говорить. Губы у нее были слегка припухлые, приятного рисунка, а зубы – ровные и белые. По моему, Леонид не столько вслушивался в смысл ее слов, сколько млел от одного ее присутствия.

Нет, решительно, в Ак-Ляйляке этому мужчине делать нечего. Джамал в два счета раскусит его, выпотрошит и сбросит со скалы. Заняв его место рядом с Ириной, я, по сути, спасаю ему жизнь. Вот только вряд ли он узнает об этом когда-нибудь.

Я заказал еще одну рюмку коньяка.

Время шло.

На аппетит Ирина явно не жаловалась. Энергично расправилась с бастурмой и попросила добавки. Леонид же вздыхал над своей тарелкой как вегетарианец, которому ненароком подсунули мясное блюдо.

Но по главному вопросу согласие, кажется, было достигнуто. Раскрасневшаяся Ирина неотразимо улыбалась, поглаживая кавалера по руке, а однажды, привстав, поцеловала его в щеку. Два раза они танцевали, и я мог убедиться в той непреложной истине, что если сильная женщина имеет ясную цель, то она не поскупиется на ласки даже для нелюбимого.

Время от времени она продолжала изучать зал, и вот наши взгляды снова встретились, теперь уже не в зеркале. Изобразив на своей физиономии высшую степень пылкого восхищения, я приподнял рюмку и по-джентльменски склонил голову, сигнализируя обольстительнице, что пью за ее шарм и красоту.

Ирина с деланным равнодушием пожала плечами и отвернулась, но от меня не укрылось, что она раз-другой взглянула в зеркало, дабы лучше рассмотреть незнакомца, чье сердце она сумела воспламенить на расстоянии.

Что ж, теперь пора.

Расплатившись, я вышел на улицу, перешел на другую сторону и сел в неосвященный салон «Форда», за рулем которого меня ждал Артур. Он сообщил, что «охотники» уже на месте, и кивком подбородка указал на темную подворотню, добавив, что парни отключили горевший в ней светильник. Для акции Артур нанял на стороне двух спившихся качков, разъяснив тем, что нужно слегка проучить любовника одой семейной дамы. Качкам были строго указаны допустимые границы их действий, а также объявлено, что за малейшую нездоровую инициативу их утопят в канаве.

Оставалось дожидаться появления «дичи».

Парочка вышла из ресторана около одиннадцати.

Обстановка была идеальной для проведения нашей акции. На улице – никого. Лишь одинокие машины изредка проезжали вдоль набережной. Неосвященный зев арки напоминал черную дыру.

Обнявшись, влюбленные пересекли дорогу и не спеша направились в сторону Невского проспекта. Их путь пролегал мимо мрачной арки. Леонид страстно прижимал спутницу к себе, едва не наступая ей на ноги. Вот он остановил даму напротив арки и вымолил у нее долгий поцелуй.

Артур на секунду включил свет в салоне. Это было сигналом.
И тут началось!

Наши парни внезапно возникли перед влюбленными из зева темной арки и оттеснили их к каменной нише. Оттуда послышались неясные выкрики.

Выждав немного, я выбрался из машины и помчался на шум.

Свое дело к этому моменту «бандюги» сделали лишь наполовину. Платье Ирины было разорвано на плече (важная деталь плана!), но Леонид никак не желал спасти свою жизнь бегством, несмотря на то, что стальное лезвие так и плясало перед ним в воздухе. Вопреки нашим прогнозам, он упорно игнорировал оставленный для него «коридор». Более того: занял боевую стойку, выставив перед собой костлявые кулаки. Судя по стойке, драться он не умел. Очевидно и то, что он относился к числу последних романтиков, готовых пожертвовать жизнью, защищая честь любимой дамы.

Я почувствовал прилив уважения к этому чудику. Но сейчас было не до сантиментов.

Что ж, если наш «тетерев» оказался глух к голосу древнего инстинкта самосохранения, значит, пришла пора обратиться к дару внушения. Но этому мешала царившая под аркой темень. Я не видел глаз Леонида, а он – моих! В этот момент романтик бросился на одного из нападавших. Тот легко отшвырнул его от себя, словно мячик. Леонид оказался на свету, и я увидел его глаза.

Сосредоточившись, я внушил Леониду мысль, что в его доме начался страшный пожар, и если он не успеет на помощь, то пострадает вся его семья.

Леонид, как ошпаренный, вскочил на ноги.

– Ирочка, извини! – закричал он, впадая в транс. – Я должен бежать! Иначе всем будет очень плохо! А тебя выручит вот этот человек, обязательно выручит, вот увидишь! – и он вприпрыжку помчался через проходные дворы на параллельную улицу.

– Трус! Низкий трус! – закричала ему вслед Ирина. – Отныне между нами всё кончено!

Кстати говоря, она вовсе не походила на испуганную дамочку. Размахивая зонтиком, энергично пыталась достать им нападавших и даже вроде бы не замечала, что разорванное платье оголило ее плечо. При этом ее красивые губки безостановочно выдавали в эфир сочные порции отборной ненормативной лексики.

Пора было закругляться.

Как и намечалось, один из «бандитов» неторопливо бросился в погоню за Леонидом и исчез в черноте арки.

И тут в гуще событий появился благородный рыцарь, то есть, я.

– Оставь в покое женщину, негодяй, и повернись ко мне своей гнусной рожей! – воскликнул я в лучших традициях «мыльной оперы» и ударом справа двинул его в челюсть. Он зарычал, закрыл лицо ладонями и бросился под арку, крича: – Калган! Дуй сюда! Он выбил мне все зубы! Убей их, сук!

Я аккуратно, но твердо сжал Ирину руку:

– Вы не пострадали, сударыня?

В ее глазах был интерес:

– Вы?

– Надо бежать! Тут, похоже, целая банда!

– Ой, моя сумочка!

– Вот она, держите! А вот и машина!

Словно подтверждая мои слова, под аркой раздался грозный топот.

Не раздумывая, я бросился наперерез проезжавшему мимо автомобилю:

– Стой!!!

Машина затормозила. (Надо ли говорить, что это был «Форд» Артура?)

Я рванул на себя дверцу, буквально втолкнул внутрь Ирину, впрыгнул следом сам и командирским голосом приказал водителю:

– Гони! Двадцать баксов!

Артур понятливо кивнул, вырулил на набережную, но через полсотни метров остановился перед дежурным магазином.

– Первое: бабки вперед. Второе: куда гнать-то?

– Гони, приятель, куда хочешь! – я протянул ему деньги. – Нас преследуют бандиты! Правильно говорят, что ваш город – криминальная столица! Грабят в двух шагах от центра! Газуй куда-нибудь подальше, а там решим.

Он не стал спорить:

– Ладно, мое дело – сторона... А насчет криминальной столицы – это вам просто не повезло...

Вскоре он свернул на Невский и снова остановился:

– Решайте.

Теперь настал черед заняться Ириной.

– Вы не пострадали? Ох, извините...

Парни постарались на славу, разорвав на ней платье почти до талии. Обнажилась часть ее эротического бюстгальтера, который сам по себе ничего не скрывал.

– Эти подонки наставили мне синяков! – гневно воскликнула она. – Вот ублюдки!

Я полагал, что буду иметь дело с перепуганной, дрожащей особой, но рядом была разъяренная тигрица. Наклонившись вперед, я стянул с себя пиджак и накинул ей на плечи:

– Послушайте, вам нельзя в таком виде домой. Ваши домочадцы просто упадут в обморок. Надо что-то придумать.

Она подняла глаза:

– Это ведь вы сидели в «Джокере» за стойкой бара?

– Допустим.

– Но вы ушли намного раньше!

Прекрасно! Она меня запомнила.

– Ушел, но с полдороги вернулся.

– Почему?

– Из-за ваших прекрасных глаз. Захотелось их увидеть еще раз.

Она улыбнулась, давая понять, что оценила комплимент. Затем снова переключилась на платье:

– Нет, вы посмотрите, что они натворили, эти скоты! Боже, новое платье! Я надела его в первый раз! – говоря так, она как бы случайно сместила боковой разрез. Открывшиеся колени, как и вся нога в целом, были у нее идеальной формы. – Что же мне теперь делать? – Она принялась перебирать варианты: – Может, заскочить к Наташке? Но она худышка. Ее платья на меня не полезут... Зоя укатила со своим другом в Анталью, Тамара наверняка развлекается где-нибудь, про Ренату я уже не говорю...

– Есть еще один вариант, – сказал я. – Отнесите к нему по-деловому. Я остановился в гостинице «Советская». Это недалеко. В той же гостинице снимает номер мой земляк, который прикатил в Питер вместе с женой. Она примерно вашего роста и такой же комплекции, правда, не такая красивая. Зато отзывчивая и добрая. Если ей объяснить ситуацию, то, полагаю, она арендует нам одно из своих платьев. Заодно приведете себя в порядок. Выпьем немного, чтобы снять стресс. А после я отвезу вас домой. Ну, как программа?

Она помолчала немного, затем кивнула:

– Хорошо. Другого выхода всё равно нет. А платье вашей знакомой я верну завтра.

Я тронул Артура за плечо:

– Гостиница «Советская», поехали!

Через десять минут мы входили в холл. На плечи Ирины был брошен мой пиджак. Разорванный шов на платье мы кое-как скрепили булавкой. Артур заранее подготовил охранников, так что мою позднюю гостью они просто не заметили.

Вдвоем мы поднялись в забронированный для меня номер.

Ирина сразу же бросилась к большому зеркалу, висевшему рядом со шкафом.

– Боже, какая я чучело!

Я открыл холодильник, достал из морозилки кубики льда:

– Приложите, вдруг обойдется без синяков.

– Мерзавцев, которые поднимают руку на женщину, нужно кастрировать! – безапелляционно заявила она.

– Совершенно с вами согласен.

Я открыл створку шкафа:

– Вот вам чистое полотенце. Вот халат. Душ за той дверью. Оставляю вас минут на двадцать, достаточно? А сам тем временем зайду к землякам за платьем. Кстати, если после душа у вас останется немного времени, можете накрыть на стол. Выпивка и закуска в холодильнике. Пообщаемся немного, как товарищи по боевой операции, а после вы переодеетесь, и я отвезу вас домой. Не возражаете?

– Почему бы и нет?

– Тогда я пошел. А вам рекомендую запереться на ключ во избежание дальнейших недоумений. Не открывайте никому. Я постучу вот так – двойным ударом с интервалами.

Отправился я, конечно, не «к земляку», а в холл, в углу которого в мягком кресле меня поджидал Артур. В другом кресле лежал пакет с платьем для Ирины. Весь вечер Артур возил его с собой в багажнике.

– Это точно ее размер? – на всякий случай поинтересовался я.

– Ее размер, ее любимый цвет и фасон, – подтвердил он.

– Тогда у меня всё. Пролагаю, дружище, ты заслужил маленький отдых.

* * * * *

Когда я вернулся в номер, Ирина стояла перед зеркалом в халате, придирчиво изучая собственную внешность.

– Вот обещанное платье, – я протянул ей пакет.

– Новое? – изумилась моя гостья.

– Жена друга сказала, что купила его только сегодня в Гостинке, – изложил я легенду. – Но, рассмотрев покупку позднее, разочаровалась в ней: цвет не подходит к ее глазам и волосам! До чего же вы, женщины, капризные существа! – Я вздохнул: – Ладно, я перекурю в холле еще десять минут. Вам достаточно, чтобы примерить обновку?

– Вполне!

Через четверть часа я снова дипломатично постучал в дверь номера. Услышав энергичное «да!», вошел в помещение.

Ирина снова вертелась перед зеркалом, но это была уже не тигрица, а ласковая кошечка. Ее новое платье смотрелось потрясающе, сидело великолепно, и она понимала это. Еще бы! Ведь его выбирал знаток.

– Вы божественны, ваше величество! – констатировал я.

– Будто на меня шито! – ответила она, не в силах оторвать взгляд от зеркала. – У жены вашего земляка поразительный вкус! Знаете, что? Я хотела бы поблагодарить ее прямо сейчас.

– Увы! – я развел руками. – Взгляните на часы! Семья уже почивает.

– Ну, тогда завтра!

– Идет! – покладисто согласился я и кивнул на холодильник: – Но вы игнорировали мою просьбу накрыть на стол.

– Я просто не успела. Из-за примерки платья. Как вы не понимаете?!

– Сибирский валенок... – я подошел к холодильнику и открыл дверцу: – Что будем пить?

– Ох! – вырвалось у нее. – У вас есть «Адвокат»?! Ну, просто сказка! – затем пристально посмотрела мне в глаза: – Кто вы, таинственный незнакомец? Я ведь даже не знаю вашего имени.

Вот тут-то она лгала. Едва войдя, я заметил, что верхний ящик тумбочки, где я умышленно оставил кое-какие документы, выдвигался в мое отсутствие. Потому-то она и не успела накрыть на стол: обшаривала комнату, чтобы составить обо мне хоть какое-нибудь представление.

– Ярослав! – назвался я.

– Ирина! – дразняще улыбнулась она, подходя ближе. Снова заглянула мне в глаза: – Наливайте, Ярослав! – В глубине ее ярких серых зрачков я опять различил волнуемую смесь наивности и порока. – А давайте выпьем на брудершафт, – задиристо предложила она.

– Буду счастлив!

Я наполнил бокалы, и мы подняли их, скрестив руки. Напиток был сладкий и хмельной. Ее мягкие, красиво очерченные губы приблизились к моим губам. Поцелуй был долгим и легким, как хороший сон.

– Не люблю полных имен! – сообщила она. – Можно, я буду называть тебя Яриком?

– Без проблем.

– Значит, ты вернулся в «Джокер», чтобы еще раз увидеть мои глаза?

– Сказать по правде, в тебе есть на что посмотреть.

– Вот врунишка! – она вернулась к зеркалу, всмотрелась в свое отражение, поправила локон: – Эти негодяи растоптали мою косметичку. До чего же я ненавижу эти наши питерские арки! – Сняла трубку и набрала номер: – Мама, это я. Всё в порядке, не волнуйся. Да, не жди. Я переночую у подруги.

3. ВЕРБОВКА «ПРОСТАКА»

Эта ночь подтвердила многоопытность Ирины в любовных делах. Правда, от меня всё же не укрылось, что она имитирует оргазм. Но я нашел этому логичное объяснение: она всерьез увидела во мне кандидата на поездку за сундучком и, надо полагать, обдумывала способ моей незамедлительной вербовки, что, в определенной степени сдерживало выплески ее эмоций. Не знаю, стал ли я в ее глазах «рыцарем», но кандидатом номер один на совместную поездку – несомненно.

Я готов был держать пари, что уже сегодня ночью мне будет сделано важное предложение. Ирина была не из тех, кто семь раз отмеряет, и только тогда режет. Она всегда прикидывала на глаз и, если ей казалось, что овчинка стоит выделки, то тут же рубила с плеча. Оставалось лишь подыгрывать ей.

Пока я заваривал по ее просьбе кофе, Ирина допила остатки «Адвоката» (пила она как лошадь, не обнаруживая при этом никаких признаков опьянения), выкурила сигарету и, усевшись в обнаженном виде на диване, окликнула меня певучим голоском:

– Яри-и-ик... Расскажи мне немного о себе. Ты женат? Дети у тебя есть? Чем ты занимаешься в жизни?

– Вряд ли мои скучные ответы развеселят тебя, – отмахнулся я.

– То есть, ты женат? – вывела она.

– Этот этап я давно прошел.

– Нет, Ярик, мне и вправду интересно. Если ты живешь в гостинице, если говоришь таксисту «ваша криминальная столица», значит, ты откуда-то приехал, верно? Откуда?

– Ну-у, если тебе интересно, то изволь, мне скрывать нечего! – я пожал плечами. Затем поставил перед ней кофе и начал как можно натуральнее излагать легенду, которой меня снабдил Дед. Момент, кажется, был самый подходящий. – Женат я был дважды, но оба раза неудачно. С женами давно расстался, детей у нас не было. Впрочем, нельзя исключить, что у меня есть дети от какой-нибудь случайной связи, ибо я никогда не шархался от любовных приключений, но об их последствиях мне ничего не известно. В вашу криминальную столицу я приехал из старой сибирской столицы, славного города Тобольска. Там у меня еще недавно был собственный бизнес. Скромный, но он меня кормил. В какой-то момент на меня наехали конкуренты. Круто наехали. Мне пришлось уступить им свое дело и навсегда покинуть город моего детства. В Питере у меня проживает двоюродный брат. Вот я и прикатил сюда в надежде, что он поможет мне открыть свое дело или хотя бы зацепиться, пускай даже в области. Но оказалось, что братан не располагает здесь никакими связями. Так, одуванчик, мелкий чиновник, которому даже взятки не носят, настолько ничтожно его влияние, представляешь? Поэтому я уже наметил поездку в Новгород. Тот, который Великий. Там живет мой дядя по материнской линии. Надеюсь, хотя бы у него что-нибудь схвачено. Честно говоря, я собирался ехать к нему завтра. На автобусе. Вот, даже билет купил. – Тут я проникновенно посмотрел на Ирину: – Но теперь, конечно, не поеду.

– Почему?

– Потому что встретил вас, моя красавица! Вас, с вашей неотразимостью. Нет, правда, Иринка! Да какого черта! В моей жизни было немало женщин, но ни к одной я не испытывал такого влечения, как к тебе. И вот что я удумал. Ну, его к черту, этот бизнес! Как-нибудь выкручусь потом. Дядька поможет. А сейчас предлагаю тебе устроить фиесту. Кажется, это называется так. Короче! Примерно на месяц капусты у меня хватит. Давай пустимся в загул! А там – трава не расти! – я перевел дыхание: – Ну, вот. Раскрыл тебе все свои карты. А теперь решай сама. Подари мне этот месяц, солнышко! Я сделаю всё возможное, чтобы ты запомнила его на всю жизнь. О себе можешь не рассказывать. Мне это не нужно. В смысле, не нужно твое

прошлое. Я тебя воспринимаю только в настоящем и в будущем. Просто ответь по-честному на один-единственный вопрос: у тебя есть настоящий мужик?

Ее глаза блестели, грудь вздымалась учащенно. Ага, клюнула рыбка!

– Я совершенно свободна! – вырвалось у нее.

– А тот хмырь, который был с тобой в «Джокере»? – я насупился, давая понять, что не настолько прост, каким, может быть, кажусь.

На ее лице появилось брезгливое выражение:

– Леонид? Я его презираю! Он, правда, ухаживал за мной, и я немного поощряла его ухаживания, но теперь с этим покончено! Он оказался ничтожным трусом. Так позорно удрать!

– Стало быть, ты согласна, моя королева? – я опустил перед ней на колени. Стараясь не переиграть.

– Что ты нашел во мне? – обезоруживающе улыбнулась она.

– Обожаю женщин с сильным характером! И с такой симпатичной родинкой на хорошенькой попочке!

Быстро наклонившись, она поцеловала меня в ухо (скорее, куснула за него), затем спросила:

– Тобольск далеко от Читы?

– По нашим, сибирским, меркам, считай, что по соседству, – пожал я плечами. – Между прочим, Епифановы, ну, Серега и Наташка – мои друзья, у которых я одолжил платье для тебя, как раз и обитают в Чите. Пару раз я гостил у них. Ничего городок. Особенно летом. Есть пару интересных кабаков. Там, между прочим, подают бурятское блюдо – большие пельмени, сваренные на пару. Называются поу-за. Кажется, так. Хм... Но ты мне не ответила. А для меня это очень важно. Знаешь, я не люблю, когда всё вокруг да около. Я – за конкретику. Пускай отказ, но ясный. Да-да, нет-нет. А всякие там или-или – это не по мне! Если откажешь, я не обижусь. Насильно ведь мил не будешь. Но если согласишься – буду на руках тебя носить. Не бойся, не уроню, я сильный! Вот только сил моих хватит на месяц, не больше. Предупреждаю честно.

Ее дразнящие руки заскользили по моему телу.

– А если я сама предложу тебе кое-что другое?

– Нет, на другое я не согласен!

– Дурачок! – замурлыкала она, умело массируя мой затылок. – Я предлагаю тебе сказку. Восточную сказку. Мы совершим с тобой двухнедельное путешествие. Вдвоем. И всё это время будем вместе. Я буду твоей женщиной. Только твоей. Буду ублажать тебя, как принято на Востоке. Ты не пожалеешь. Притом, в этой поездке ты больше заработаешь, чем истратишь. А после заявишься к своему новгородскому дяде, но не с пустыми руками, а со стартовым капиталом, и он раскроет перед тобой объятия. Или вернешься в свой Тобольск. На коне. У тебя будет выбор, понимаешь?

– Свой выбор я уже сделал, – упрямо повторил я. – Мне важно знать, что ты будешь со мной по своей воле. А всё прочее – ерунда! Вместе с тобой – хоть к черту в зубы! Можешь считать это моим капризом, но такой уж я человек! Пока мы вместе, я за тебя жизнь отдам, если потребуется! – и я припал губами к ее удивительно круглым коленям.

Окажись поблизости Дед, он, полагаю, остался бы доволен качеством моей игры. А может, и воскликнул бы по аналогии со Станиславским: «Верю!»

Выждав чувственную паузу, Ирина жеманно закатила глазки:

– А я не отказалась бы сейчас от рюмки «Адвоката». Жаль, что бутылка пуста.

– Какие проблемы! – я рывком вскочил на ноги. – Сейчас откроем вторую!

Мы снова выпили на брудершафт и расцеловались. Я попытался было удвоить ласки, но Ирина велела мне сесть в кресло напротив.

Она нервно закурила, затем твердо посмотрела мне в глаза. Я уже заметил за ней эти две крайности: либо мягкая полуулыбка в уголках чувственных губ, отчего весь ее облик приобрел законченную женственность и привлекательность, распалая желание, либо жесткий, испытующий взгляд, невольно вселяющий тревогу, будто неожиданно угодил в тайгу, где водятся тигры.

– Если ты бывал в Чите, то, возможно, тебе известен такой поселок – Атамановка? – отрывисто спросила она, выпуская струйку дыма.

– Кто же из сибиряков не слышал про Атамановку?! – вскинулся я. – Это довольно крупное пригородное поселение на дарасунской трассе... Но я не понимаю, чем оно тебя заинтересовало?

– В Атамановке живет мой дядя, брат покойного отца. Зовут его Пустынцев Алексей Гаврилович. Как видишь, дядя есть не только у тебя.

– Стало быть, ты тоже Пустынцева? – мимоходом уточнил я.

– Нет, я Субботина Ирина Вячеславовна, – с достоинством ответила она. – Оставила фамилию последнего мужа.

– А я – Клинков Ярослав Сергеевич. Впрочем, это не важно. Извини, что перебил. Итак, в Атамановке живет твой дядя...

– Это старый, больной человек. Но справедливый, гордый, сильный духом... Вообще, дядя – очень интересная личность. Он всех очаровывает. Ты тоже в него влюбишься.

– Предупреждаю заранее: я не влюбляюсь в мужчин. Даже очень интересных.

– Ну, Ярик, не остри. Ты же понимаешь, что я имею в виду. Вот, послушай. Несколько лет назад на читинском рынке хулиганы пристали к старику-торговцу из Средней Азии. Дядя вступился за него и отбил, уже сильно помятого. Затем этот старик сам разыскал дядю Алексея. Между ними возникла трогательная дружба, которая бывает, наверное, только между немолодыми одинокими людьми. Старый торговец приезжал в Читу довольно часто, и всякий раз навещал дядю. Это был не какой-нибудь продавец кишмиша, а глава крупного торгового дома. Словом, весьма богатый восточный купец. В Чите у него был большой бизнес. И вот однажды он позвонил дяде из Читы, сказав, что будет через полчаса. Дядя начал готовиться к встрече, но старика всё не было. А затем позвонили из центральной больницы и сообщили, что к ним поступил больной, сбитый на улице автомобилем, и что этот больной хочет немедленно увидеть его, своего друга. Конечно же, дядя Алексей тут же помчался в больницу. Старик был уже при смерти. Лишь надежда на встречу с дядей поддерживала еще в нем угасающие силы. Старик попросил медсестру, чтобы их оставили наедине. А затем открыл дяде одну тайну. У него, у старика, в горах есть особый тайник, в который он откладывал средства на черный день. Об этом тайнике не знает ни одна живая душа в мире. И вот теперь, когда близится его смертный час, он, честный восточный торговец, решил отплатить добром за добро. Он хочет, чтобы содержимое этого тайника дядя забрал себе. Тайник находится в окрестностях одного горного кишлака. Старик успел сообщить приметы тайника, после чего глубоко вздохнул и умер. Такая вот история, – вздохнула и Ирина. В ее красивых, лживых насквозь глазах светилась святая вера в ту душещипательную туфту, которую она мне только что задвинула. – Так вот, – заключила она. – Дядя Алексей хоть и крепкий мужчина, но уже немолод, кроме того, серьезно болен. Он не в состоянии самостоятельно совершить такое дальнейшее путешествие. Других дееспособных мужчин среди нашей родни нет. Я готова поехать, но дядя говорит, что на Востоке своя специфика, и я, не зная ее, могу не справиться с делом. Нужен спутник – надежный, решительный мужчина. В случае успеха он получит десять процентов! – ее серые глаза сделались почти синими, излучая потоки фальшивой искренности. – Что скажешь?

Ну, что я мог ответить на это? В глубине души Ирина, конечно же, имела право считать себя Василисой Премудрой, а всех окружающих мужчин Иванушками-дурачками. Но мне всё же не стоило так однозначно играть перед ней роль одного из этих Иванушек.

– Правдивость этой истории я оставляю на твоей совести, – ответил я. – Твоей и твоего дядюшки. Ладно, допустим, всё так и есть. Но одного я всё же не пойму: как можно открывать подобный секрет первому встречному?!

– Прежде, чем я открыла тебе этот секрет, – сощурилась она, – между нами, кажется, кое-что произошло.

– Но ведь ты меня совершенно не знаешь! Может быть, я леплю тебе горбатого?

– Ой, только не надо мне толковать насчет пуда соли! Ерунда всё это! Можно прожить с человеком всю жизнь и не знать его. А иная случайная встреча оставляет чувство, что ты знала этого человека всегда! – она снова одарила меня колдовским взглядом, уверенная, что тот обладает гипнотической силой. – Ярик, у меня просто нет выхода! Среди моих друзей и знакомых, к огромному моему огорчению, не нашлось ни одного настоящего мужчины. Ни одного! А ты – настоящий! С тобой я готова рискнуть.

– Ладно. О какой сумме идет речь? Я просто хочу знать, стоит ли овчинка выделки? Быть может, у восточных торговцев свой масштаб цен, который меня никак не устраивает?

– На этот и другие вопросы тебе ответит дядя. Я ведь и сама не знаю всего.

– А может, твой дядя в силу каких-то соображений готов и тебя подставить?

– Нет! – она решительно мотнула головой. – Это исключено. Абсолютно. Дядя меня любит. Как родную дочь. Собственно, ради меня всё это и затевается. Это обеспеченная жизнь, Ярик. Ты понимаешь? – она погладила мою ладонь и призывно заглянула в глаза: – Это будет приятная, почти увеселительная поездка. Там сейчас тепло, солнце, дыни, арбузы, виноград, персики, инжир... И мы – только вдвоем... – Последнюю фразу она произнесла дразнящим шепотом: – Чего ты опасешься, милый?

С минуту я делал вид, что напряженно размышляю над услышанным. Затем залихватски махнул рукой:

– Почему бы и нет? В Чите у меня есть несколько старых товарищей, давно не виделись, заодно навещу их. Но, учти, милая, если мне твой дядя не понравится, или я учую, что он гонит туфту, то сделка не состоится. Я и сам не поеду в этот чертов кишлак, и тебя не пушу!

– Дурачок... – нежно проворковала она, уже совершенно успокоившись. – Ну, хватит о делах. Иди ко мне!

* * * * *

Ирина уснула первой.

А я еще долго не мог заснуть. Лежал недвижно в темноте и размышлял.

Для меня было очевидным, что на сей раз наш всезнающий Дед малость перестраховался. Ирина фактически уже посвятила меня в суть дядюшкиных замыслов. Чему удивляться? Выбора у милых родственничков попросту нет. Ну, кто из нормальных людей по доброй воле поедет в горный кишлак, где по ночам в ущелье воет шайтан, а днем правят бал бородатые разбойники? Ну, поехал бы Леонид. Много от него было бы проку? Полагаю, дядюшка Лёха утвердит мою кандидатуру с первого захода. Даже если я ему чем-то не глянусь. А куда он денется?! Играть перед ним роль простака себе дороже. Надо быть полным кретином, чтобы поверить в благостную сказочку про благородного торговца. Ирина, конечно же, в нее не верит. Но, похоже, и она не знает всей правды. Что же за комбинация затевает ее хитромудрый дядюшка? Что находится в папке? Компромат на бывших вождей? Этого компромата было столько, что цены на него давно уже упали. Можно сказать, обвалились. Да и не стал бы Дед связываться с такой ерундой. Нет, в папке что-то другое. Там нечто нетленное, нечто такое, чья стоимость за последние 15 лет еще более возросла. Я почувствовал это по легкому волнению в голосе Деда, когда он говорил мне о папке. Что же там может быть? И этот странный вой по ночам... Нет, я понимаю, что в горах, особенно в гигантском ущелье, возможны какие угодно акустические явления. Но то, что эти жуткие звуки стали раздаваться, начиная именно с ночи исчезновения Мирзоева, не может быть ни случайностью, ни совпадением. Нет, тут не загадка природы. Тут

чья-то злая воля. Но чья? Мирзоев погиб, Пустынцев был далеко... О тайнике более не знала ни одна живая душа... Вой шайтана... Безлунные ночи... У-у-у...

На этом месте мысли мои стали путаться, и незаметно для себя я заснул.

4. БЫЛИ СБОРЫ НЕДОЛГИ...

Утром мы взяли в авиакассе, расположенной на первом этаже гостиницы, два билета до Читы на ближайший рейс. Оказалось, что это уже завтра.

– Ой! Я не успею собраться! – переполошилась Ирина. Следом вздохнула: – Надо успеть! Я же обещала дяде. А что мне делать с платьем? Как и когда вернуть его хозяйке?

– Оно тебе нравится? – еще раз уточнил я.

– Очень!

– Значит, оно твое. А с Наташкой я договорюсь. Тем более, оно не в ее вкусе.

– Странный вкус у твоей знакомой. Это же классное платье!

– Знаешь, я не буду ей этого передавать. А то она еще передумает. Считай, что дело закрыто. Времени и вправду в обрез. Значит, встречаемся в Пулково перед отлетом?

Она прижалась ко мне и певуче прошептала на ухо:

– Милый, давай поедem за сундучком старого торговца! Будем два богатеньких Буратино. И пошлем подальше всякие черные полосы в жизни! Хватит с меня этой чернухи! Я хочу пожить как белая женщина!

– Как ты назвала этот кишлячок?

Она наморщила лоб:

– Ай-Ляйляй... Нет, Ак-Лякляк... в общем, что-то в этом роде. Не волнуйся, дядя всё подробно тебе разъяснит. Он знает. Ему приходилось бывать в тех местах.

– Вот как? Ты этого не говорила.

Она прикусила язычок.

– Милый, мне пора! Ой, столько хлопот с этими сборами! Ты уверен, что твоя знакомая не обиделась из-за этого платья? Проводи меня до машины!

На площади перед гостиницей я нашел для нее приличную тачку и заплатил водителю, потребовав от него передвигаться с такой осторожностью, как если бы он вез драгоценную вазу. Она оценила мой завуалированный комплимент, поцеловав меня на прощание. Всё в ней дышало ощущением глобального поворота в судьбе.

Кажется, первый этап я прошел без ошибок.

* * * * *

Итак, у меня выдался свободный денек, и я решил провести его с пользой.

Для начала, конечно, поехал в контору и доложил Деду о благополучном завершении первого этапа операции. Особо распространяться не стал. Свои соображения придержал при себе. Зачем отвлекать занятого человека от более важных дел? Затем запасся кое-какой техникой. Взял диктофон, замаскированный под старый надтреснутый портсигар, спутниковый телефон, ну и еще кое-какую мелочь. Хотел прихватить пистолет, закамуфлированный под курительную трубку, но в конечном итоге отказался от этого намерения. Вряд ли разумно тащить с собой огнестрельное оружие (даже скрытого ношения) в такое специфическое место, как горный кишляк.

Затем поехал на Фонтанку, в газетный зал Публички, и набрал целую гору прессы эпохи перестройки.

Признаться, о «хлопковом деле» я и раньше что-то слышал краем уха, а вот относительно личности Мирзоева в памяти ничего не задержалось. Поэтому я решил подпитаться информацией из еще одного источника.

Сразу же отмечу, что никаких особых открытий я не сделал, хотя добросовестно просидел над старыми газетами чуть ли не полдня. Во всей массе просмотренных мною материалов я не нашел ни одного упоминания о Пустынцеве. Похоже, этот тип и вправду умел оставаться в тени, даже находясь рядом с таким «светилом», как Мирзоев. Но Джамала я всё-таки выловил

– в одном-единственном очерке, опубликованном в когда-то популярном, а ныне не существующем еженедельнике. Автор статьи, столичный журналист Г., рассказывал задним числом о своем пребывании в хозяйстве Мирзоева уже на исходе советских времен.

Немалое место Г. уделял тому впечатлению, которое произвел на него сам Мирзоев. Дескать, типичный азиатский раис. Невысокий, пузатенький, бритоголовый. В тюбетейке, несмотря на европейский костюм. Далее журналист отмечал остроту его ума и деловую сметку. Хозяйство он создал высокорентабельное – без малейшей натяжки. Во всё вникал, всё держал под контролем: хлопок, виноградники, отары, консервные цеха, ремесленные промыслы... Всякую мелочь пускал в ход, Отходы перерабатывал... Завоевал всесоюзный авторитет. Сохранились фотографии, на которых «Ильич Второй» отечески похлопывает его по плечу. В родной республике Мирзоева побаивались. По сути, он был местным царьком с глобальными замашками, но при этом, подчеркивал Г., ссылаясь на очевидцев, за всю свою жизнь не произнес ни единого слова против действующей власти (по крайней мере, публично) – ни на партсобраниях, ни в кругу приближенных...

Впрочем, не буду пересказывать содержание весьма пространной статьи, занявшей полторы полосы большого формата.

Перейду к эпизоду, связанному с Джамалом, эпизоду, который я перечитал дважды.

...Г. «высадился» в Ак-Ляйляке в составе целого журналистского десанта. Работники пера прибыли в этот образцово-показательный кишлак для освещения семинара по обмену передовым опытом. Разместили их в уютном доме гостиничного типа посреди ухоженного сада – с аллеями, клумбами, фонтанами и скульптурами мифологических героев восточных сказок. Настоящий курорт на фоне коричневых отвесных стен ущелья! Принимали гостей великолепно. Каждый день – плов, шашлык, манты, горы фруктов и овощей, коньяк и вино – рекой. А дынями – величиной с годовалого кабанчика – журналисты буквально обжирались, признается Г.

До падения Мирзоева оставалось еще три года.

Мероприятие закончилось, и пишущий народ начал разъезжаться по домам. Рейсы у всех были заказаны на разное время. И уж так получилось, что в последнюю ночь Г. остался в курортном домике один. Не считая, понятно, услуги. А обслуживали гостей почему-то молодые, крепкие, как на подбор, парни. (То ли восточная традиция, то ли за капризными гостями присматривали нукеры из конно-спортивного клуба, подумалось мне.) Лишь садовник, что возделывал клумбы, был древним стариком – в темно-синем стеганом халате, подпоясанном многократно свернутым шейным платком, в тюбетейке, словно пропитанном потом, с пергаментным лицом, состоящим из тысячи морщинок. Дни напролет он махал кетменем, то пропуская воду в бороздки, тщательно спланированные им же, то снова перекрывая эти маленькие каналы. И всё это – под палящими лучами, когда даже асфальт прогибался, как резиновый. Старик совершенно не говорил по-русски.

Этого садовника Г. заметил еще в первый день своего пребывания в кишлаке.

Тогда для почетных гостей накрыли столы в саду, среди гранатовых деревьев. Не было только птичьего молока. Мирзоев произнес приветственную речь, пригубил рюмку и вскоре уехал, сославшись на срочные дела и передав бразды тамады своему заместителю, сухощавому человеку с ястребиным носом и острым подбородком, просившим называть его просто Джамалом.

Пиршество было в разгаре, когда Г. заметил в глубине аллеи того самого садовника, прочищавшего кетменем арык.

Движимый порывом вселенской любви и сострадания (а может, просто находящийся под хмельком), журналист выбрался из-за стола, прошел к старику и потянул его за рукав: «Отец, присоединяйтесь к нашей компании!»

Старик резко отпрянул, прижав правую руку к груди, и что-то пробормотал, не то по-туркски, не то на фарси, отрицательно качая головой. Г. настаивал. Старик вдруг как-то съёжился. За спиной журналиста послышалось покашливание. Он обернулся. Рядом стоял Джамал. Он улыбался, но взгляд, устремленный на садовника, был холоден и тяжел. Вот он сказал что-то резкое, и старик, пятась, отступил в глубину сада. Джамал взял гостя под руку. «Это отсталый, глубоко религиозный человек, – доверительно сообщил он. – Ни за что не сядет за один стол с людьми другой веры. Извините его. Совсем старый, совсем глупый». Москвич огляделся, но садовника уже и след простыл.

В последующие дни Г. не раз сталкивался с садовником во время прогулок по саду. Тот приветливо улыбался, кивал, прижимал руку к сердцу, а иногда задумчиво щурился, будто решая про себя какой-то важный вопрос. Несколько раз Г. предпринимал попытки заговорить с ним, но они заканчивались безрезультатно: в отличие от большинства своих земляков старик не владел русским. Даже на уровне «твоя моя не понимай». Кроме того, Г. заметил, что рядом с ним постоянно крутится один из мордастых парней. Но тогда он не придавал этому значения.

И вот настал последний вечер перед отъездом. Потчевали журналиста с тем же восточным хлебосольством. За столом находился и Джамал. Обслуживали те же самые молчаливые, проворные парни. Впрочем, после ужина почти вся обслуга уехала вместе с Джамалом. Остались лишь двое молодцев, которые быстро убрали со стола, после чего скрылись в помещении летней кухни.

Журналист вышел на крыльцо покурить. Ночь напоминала пышный черный бархат, расцвеченный золотом звезд, подобные которым украшают минареты Самарканда. Приятный ветерок порхал над возделанными клумбами.

«Рус...рус...» – послышался из темноты осторожный голос.

Г. двинулся на эти звуки.

Внезапно кто-то вцепился в его руку. Это был садовник, таившийся в кустах. Он тихо, но горячо что-то говорил, показывая в глубь сада. Наконец, Г. различил знакомое слово. «Анаша?» – переспросил журналист. «Ха, ха, анаша», – оживленно закивал старик. «Признаться, – пишет далее Г., – у меня возникла мысль, что старик хочет угостить меня зельем. Жестами я дал понять, что не употребляю наркотиков. Он, кажется, понял. Рассмеялся вдруг и отрицательно замотал головой. Затем снова сделался серьезным, вытянул палец в сторону высокогорий, скрытых сейчас непроглядным мраком, и горячо зашептал: «анаша, анаша»...

И тут откуда-то из темноты возник один из оставшихся в доме парней. При его появлении старик словно оцепенел. А «гарсон» аккуратно взял того под локоток и увел в темноту.

Остаток ночи прошел спокойно.

К завтраку в гостевой дом приехал Джамал. Рассыпаясь в любезностях, вручил журналисту гостинец: большую коробку с отборными фруктами.

«Где наш садовник? – спросил Г. – Нельзя ли поговорить с ним?»

«Нельзя, – покачал головой Джамал с какой-то змеиной улыбкой. – Садовник умер. Старый человек, большой человек... Прожил свое. Сейчас его ласкают райские гурии... – Затем сощурился, внимательно глядя на москвича: – Он был немножко безумным. Не стоит придавать значения его словам».

«Никаких слов и не было», – ответил журналист, смекнувший, что для его же блага лучше всего держать язык за зубами.

Вот такую историю из времен, не столь отдаленных, я вычитал в газете, вышедшей из тиража.

Итак, столичный гость лишь самым краешком коснулся тайны подпольного бизнеса Мирзоева. В сущности говоря, его спасло только незнание местных языков и наречий. Иначе, скорее всего, он «сорвался бы с обрыва». По неосторожности, разумеется.

Можно лишь догадываться, что произошло со стариком-правдолюбом, решившимся на робкий бунт против владыки кишлака.

Ах, да, еще одна деталь: в статье Г. содержалось упоминание о «змеиной улыбке» Джамала. Совсем скоро мне придется увидеть самому, как улыбается сей господин...

* * * * *

Наш рейс вылетел по расписанию.

Признаться, Ирина доставила мне немало хлопот, явившись на посадку сильно на взводе. Мол, она боится летать.

По трапу мне ее пришлось буквально втаскивать на себе. Плюхнувшись в кресло, она добавила еще. А затем еще и еще. Спиртное находилось у нее в сумочке, в двух или в трех флажках. Выходит, и у этой весьма стойкой к выпивке красотки есть определенный предел прочности? Мелькнула мыслишка вызвать ее на откровенность, авось выболтает что-нибудь существенное, а после забудет. Но после очередной порции горячительного, она склонила голову к моему плечу и мгновенно уснула.

Так мы и летели.

На середине пути я осторожно умыкнул с ее колен сумочку и порылся в содержимом. Увы, ничего конфиденциального.

А лайнер, надсадно ревя моторами, пробивал облака. Мне вспомнилось признание знакомого летчика о том, что в полете экипаж ориентируется исключительно по приборам и практически никогда не всматривается в туманную даль. И я подумал о том, что мой «полет» еще сложнее. Я продираюсь сквозь густейшую пелену, не имея тех многочисленных приборов, что указывают летчику верное направление полета и оптимальный режим пилотирования, а также предупреждают его о возможных опасностях.

Чем дальше, тем плотнее становится туман вокруг меня.

И всё же у меня уже сложился некий план действий.

* * * * *

Забайкалье встретило нас легким морозцем. Котловина, в которой находился читинский аэропорт, насквозь продувалась пронизывающими ветрами. Вдали виднелись сопки, поросшие хвойным лесом. Они походили на гигантские колпаки, нахлобученные друг на дружку.

– Холод собачий! – пожаловалась Ирина, уже совершенно пришедшая в себя после «похмельного» сна в самолете (по моим прикидкам, она вылакала не менее полутора литров крепчайшего алкоголя). – С каким наслаждением я забралась бы сейчас в горячую ванну!

– До настоящих морозов еще далеко, – успокоил я ее. – Но ты оглядись: какая красота вокруг!

– Дырища!

– Не оскорбляй, пожалуйста, патристических чувств моих земляков! Поскучай немного, а я двину на поиски машины. Возможно, у твоего драгоценного дядюшки имеется ванна, и твоя мечта осуществится. Хотя вряд ли. Тут предпочитают русскую баню. С раскаленными камнями, вениками и парилкой. Впрочем, обсудишь этот вопрос с дядюшкой.

Она посмотрела на меня, прищурившись:

– Ты говоришь так, будто не собираешься ехать к нему вместе со мной.

– Точно! – кивнул я.

– Но почему?! Мы так не договаривались!

– А как мы могли договориться, если ты всё время поддавала в самолете? Извини, но я еще раз обмозговал ситуацию и пришел к выводу, что должен принять кое-какие меры предосторожности.

– Какие еще меры, Ярик?! – страдальчески поморщилась она.

– Элементарные. Опасное путешествие на Восток, да еще в глубинку, требует денег. У тебя деньги есть? Нет? Ну, то-то же! Судя по твоим рассказам, дядюшка Алеша тоже не оли-

гарх и находит утешение в куплете из известного шлягера: «мои года – моё богатство». А кто будет финансировать поездку? Кто заплатит денежки за турне по местам, кто всё продается и покупается? Вот я и хочу встретиться с двумя-тремя корешами, о существовании которых тебе говорил, и подзанять у них на дорожку. В разумных пределах, разумеется. Авось, в конечном счете, окажусь в прибытке. Словом, если кореша мне не откажут, то завтра утром прикачу в Атамановку при полном параде. Да и вам с дядюшкой так сподручнее: сможете без помех обсудить все свои заморочки.

Подумав, она кивнула:

– Ладно. Когда ты появишься?

– Ровно в полдень по местному времени!

– Ярославчик, ты не улизнешь? Смотри...

– Вручить тебе залог? Паспорт, извини, не могу, а вот часы – пожалуйста! Или ты считаешь что-нибудь более весомое?

– Ярик, ну я же серьезно! – она капризно надула губки.

– Милая, по-моему, в тебе всё еще колобродят пары ликера.

Я нашел машину, столкнулся с водителем, усадил Ирину и, оплатив проезд до Атамановки, еще раз клятвенно заверил красавицу, что завтра ровно в двенадцать явлюсь в поселок для окончательного разговора с ее бесценным дядюшкой.

* * * * *

Разумеется, никаких «корешей» в Чите у меня отродясь не бывало. Но этот ход нужен был мне в качестве опорного аргумента для завершающей беседы с Пустынцевым. Я пришел к твердому заключению, что не должен представлять перед ним в роли слабонервного абитуриента. Нет, я сам устрою ему экзамен и перехвачу инициативу. А там посмотрим, чья переважит, как гутарили донские (а возможно, и забайкальские) казаки.

Я снял номер на сутки в центральной гостинице, днем ознакомился с достопримечательностями столицы солнечного Забайкалья, которая, к слову говоря, произвела на меня благоприятное впечатление своими «таежными» уголками, а вечер провел в кабаре под названием «Аргунь» в обществе хорошенькой брюнетки.

5. ПУСТЫНЦЕВ, ОН ЖЕ «АЛИ – БАБА»

Как и обещал, ровно в полдень я прибыл в Атамановку. Со всех сторон к поселку подступала вековая тайга, вплотную надвинулись крутые сопки.

Пустынцев обосновался в просторном, уже почерневшем от непогоды срубе с резными наличниками и покосившимся крыльцом.

Ирину я заметил первым. Она нетерпеливо прогуливалась вокруг колодца в глубине двора. На ней был ватник, надетый на свитер, ворот которого она подняла до самых глаз. Экзотичный наряд дополняли мохнатая шапка и валенки.

При моем появлении она радостно улыбнулась и бросилась навстречу.

– Ярославчик...

– Мадам Ирэн...

Мы с чувством обнялись и расцеловались. От нее чуточку пахло водкой.

– Ну, как я выгляжу? – отступив на шаг, Ирина кокетливо подбоченилась.

– Немножко не по сезону, но в целом завлекательно, как всегда. Рад, что ты, наконец, согрелась.

– Ой, слушай! – всплеснула она руками. – У дяди настоящая русская печка! Я проспала всю ночь, будто на раскаленной сковородке!

– Хм! Раскаленная сковородка? Интересный намек...

– А как поживает твоя сибирячка? – сощурилась Ирина. – Бурной была встреча? Ты ведь был у женщины, признавайся!

– На эти и прочие подобные вопросы, моя прелесть, я могу ответить тебе одним словом – нет.

– Чем же ты занимался?

– Всякими скучными делами вроде залезания в долги.

– Залез?

– Залез и вылез, и отныне поступаю в полное твое распоряжение.

– Беденький... Ты замерз? Может, приютить тебя на своей печке?

– Не откажусь, хотя образ раскаленной сковородки лично на меня навевает кошмары.

Она прижалась ко мне грудью:

– Ярик, я соскучилась...

– Я тоже... Однако, где же дядюшка? Здоров ли он?

Ирина выскользнула из моих объятий.

– Ой! Пойдем в дом. Дядя ждет. Господи, как он постарел! Видел бы ты его раньше...

Мы поднялись на крыльцо и вошли в совершенно темные сени, где я тут же сшиб какое-то ведро, зазвеневшее на весь дом. Ирина открыла дверь, и я увидел низкую горницу с полукруглым зевом русской печи на заднем плане. В центре стоял грубоватый дощатый стол без скатерти, на нем – большая миска с горкой печеной картошки, тарелка с салом, нарезанным крупными ломтями, соленые огурцы, грибы, половники вареных яиц, хлеб и литровая бутылка водки.

Из дальнего угла шагнул человек, которому, похоже, пришлось немало померзнуть в этой жизни, ибо, несмотря на жарко протопленную печь, на нем были теплый свитер и валенки.

Так вот он какой, Али-Баба!

Он вполне тянул на свои шестьдесят четыре, и даже с избытком; эту густую сеть морщин уже не разгладить никакой улыбкой. Седая, неровно подстриженная борода тоже не добавляла ему молодости. Однако мальчишеская челка, ниспадавшая на широкий лоб, вносила в общую

картину элемент этакой бесшабашной лихости, а серые, навывкате, глаза, далеко посаженные от носа, напоминающего уменьшенную копию валенка, смотрели с дерзким вызовом.

Весь его облик чем-то напоминал героя Жана Габена из старых гангстерских фильмов. Та же спокойная уверенность, оттененная житейским опытом и неизбывной склонностью к авантюризму.

Завидев меня, Пустынцев расплылся в широчайшей улыбке, демонстрируя ряд золотых зубов.

– Здорово, Ярослав! Так вот ты какой! А мне Иришка все уши прожужжала про то, как ловко ты отбил ее у этих подонков. Ну, думаю, пропади оно все пропадом, а подружиться с таким мировым парнем я обязан! Дай-ка я тебя толком рассмотрю... Орел!

Он крепко стиснул мою ладонь своей, похожей на совковую лопату, затем потянул к столу:

– Давай, Славка, – разреши уж я буду так тебя величать – хряпнем за знакомство! Садись, где тебе удобнее! Разносолов всяких у меня нет, но все домашнее, все от чистого сердца. Ухаживай за собой сам, не стесняйся. А ты, дочка, дай ему полотенце.

Он принялся разливать водку, балагурия без передышки. Что ж, тем лучше. Пусть подвыпустит пар.

– На гитаре играешь? – продолжал допытываться он. – «Брызги шампанского» знаешь? А «Цыганочку»? А я люблю! Вот погоди, перекусим малость, тогда и споем, да так, что чертям станет тошно. Бери картошку! А сало какое, погляди! Розовое, как румянец красавицы. Так и тает на языке.

Картофель был обжигающе горячим, только что из печи, но он спокойно держал картофелину узловатыми пальцами с квадратными ногтями, сдирая кожуру, как скаल्प.

Затем снова как бы с восхищением принялся разглядывать меня.

– Ай да Славка! Ай да молодец! Люблю отважных парней! Сам такой. Ты огурчик, огурчик ухвати. Так и хрустит. Ни с каким ананасом не сравнить. Сам солил. Ну, чего молчишь? Иришка, твой дружок, похоже, язык проглотил, а? – Он откусил сразу пол картофелины и запил ее водкой.

Я молча снимал кожуру.

– Славка, ты спишь по ночам? – как ни в чем не бывало продолжал он. – А я не могу. За всю ночь так и не сомкнул глаз. Вздремну днем пару часиков – вот и весь мой сон. Ты, часом, не экстрасенс? Бессонницу не лечишь?

Ирина сидела в напряженной позе, ни к чему не притрагиваясь.

– А кто хозяин этого дома? – спокойно поинтересовался я.

– Шутишь, Славка?! Я и есть хозяин. Больше десяти лет здесь живу. Печурку эту собственными руками выложил. Иришке здорово понравилось.

Я очистил наконец картофелину и посыпал ее солью.

– Не могли вы сложить этой печурки, уважаемый Алексей Гаврилович. Как и засолить огурцы.

– Почему?! Что за черт?! Ты понимаешь своего дружка, а, дочка? – Он изобразил на своей физиономии такое изумление, будто я сообщил о предстоящем конце света.

– По той простой причине, что вы совсем недавно вышли из заключения, где отбарабанили весьма солидный срок, – прокурорским тоном изрек я. – Подробности я опускаю, не хочется смущать Ирину, поскольку, думаю, вы подали ей все под другим соусом. Должен вам также сказать во избежание последующих недомолвок между нами, что эти сведения сообщили мне мои местные друзья-бизнесмены. Они выяснили это по моей просьбе через своих людей в милиции. Для вас, полагаю, не новость, что милиция кормится от бизнеса и при случае готова поделиться кое-какой второстепенной информацией? Только не нужно сердиться на меня за мое любопытство. Я не боюсь риска. Но никому не позволю держать меня за дурачка!

Ирина налилась краской, как благонравная гимназистка, у которой обнаружили любовную записку.

Дядюшка же грохнул своей лопатообразной ладонью по столу и принялся хохотать – весело, до слез, до колик, будто услышал чрезвычайно остроумный анекдот.

– Ну и поделом мне! – воскликнул он, утирая слезы. – Разве можно пудрить мозги такому сообразительному парню! Я сразу разглядел, что ты не промах. Ловко ты меня отбрил! Ай да удалец! Ай да глаз-алмаз! Тебе палец в рот не клади! Ну, Славка, я страшно рад, что так получилось. Теперь я вижу, что ты не лопух и с тобой можно вести серьезные дела. Не обижайся на старика, считай, это было испытание. Не обиделся? Ну, давай тяпнем!

Мы чокнулись, Пустынцев в своей манере сначала закусил, затем выпил.

Крякнув, он отставил стакан и посмотрел на Ирину:

– Дочка! Кое-что из того, что я хочу рассказать Славке, не предназначено для женских ушек. Ты уж оставь нас на полчаса, мы с ним потолкуем как мужик с мужиком.

– Хорошо, дядя. – Она послушно поднялась, надела телогрейку, шапку и валенки. Вышла. Было слышно, как хлопнули двери, заскрипели ступени.

Мы с Гаврилычем остались наедине.

6. ИСТОРИЯ ПУСТЫНЦЕВА, ПОВЕДАННАЯ ИМ ЖЕ

– Не вижу причин, чтобы не рассказать тебе свою историю, – начал он, вновь наливая в стаканы, но на сей раз на треть. – Расскажу тебе всё без утайки, всё, как было. А там уж сам решай, как поступить. Понравился ты мне, парень! Ну, давай!

Я кивнул, демонстрируя, что готов оценить его искренность.

Мы выпили, и он раздумчиво заговорил.

– Так вот... Родился я в Средней Азии, в Ферганской долине, в семье потомственного переселенца. Еще мой прадед пришел в Азию вместе с генералом Скобелевым. Заметь, пришел как землепашец.

Нас было два брата. Я старший, а Вячеслав младший. Разница – четыре года. Были мы с ним разные – во всё. Славка еще со школьных лет мечтал перебраться в Россию, все ему здесь было не так. И добился своего: уехал в Ленинград, да там и обосновался, завел семью. Ну а я – я полюбил Азию, ее жаркое солнце, щедрую землю, неторопливый уклад жизни. Отец работал бухгалтером на хлопкозаводе, а жили мы в глубинке, где русских было наперечет, так что я сызмальства водился с местной пацанвой и еще до того, как идти в школу, говорил и по-узбекски, и по-таджикски так же свободно, как на родном. После армии выучился на ирригатора. А что такое ирригатор в Средней Азии, где самая большая драгоценность – вода? Ирригатор там – царь и бог!

Он помолчал немного, помассировал свой широкий нос и продолжал:

– Вместе со мной на курсе учился паренек из местных – Гафур Мирзоев. Так уж сложилось, что мы с ним сдружились. Уже тогда Гафур строил смелые планы на будущее. Он происходил из малообеспеченной семьи и горел желанием пробиться наверх. А уж смекалкой и рассудительностью Аллах его не обидел. Ну что тут долго рассусоливать? После института он уехал в **свою** область и через пару-тройку лет стал начальником механизированной колонны. Вскоре прислал весточку: приезжай, будешь моим заместителем. Так и пошло. Гафур поднимался со ступеньки на ступеньку и всякий раз перетаскивал с собой меня. В один прекрасный день его назначили директором крупного, но отсталого агропромышленного объединения.

Вообще на Востоке любой человек, выбившийся хотя бы в ма-а-аленькие начальники, тут же окружает себя верными людьми, как правило, из родственников. Гафур был умнее. То есть, он тоже тянул за собой родичей, но ясно понимал: верный – не всегда толковый. От иной верности больше вреда, чем пользы. У них тоже есть поговорка вроде того, что лучше с умным потерять, чем с дураком найти. Короче, Гафур расставлял кадры на свой лад.

В организации я был вторым лицом после Гафура. Все об этом знали. Когда я приезжал в какой-нибудь дальний кишлак, даже почтенные аксакалы не считали зазорным первыми поздороваться со мной... А прозвище у меня знаешь какое было? Вовек не догадаешься! «Али-Баба!» Еще в студенческие годы так меня в шутку прозвал Гафур, и прижилось...

Были, конечно, и завистники. Особой обидчивостью отличался Джамал – двоюродный брат Гафура. Плел интриги за моей спиной, пытался меня оболгать, но Гафур только посмеивался.

Глазки Пустынцева затуманились, голос звучал все задушевнее, и мне подумалось, что по крайней мере сейчас он не лукавит.

– Котелок у Гафура варил здорово, мой тоже. Очень скоро мы вывели объединение в передовые и, помимо сельхозпродукции, навалились на всякие подсобные промыслы, которые давали хороший доход. Не буду врать, Славка, тебя все равно не проведешь, кое-что шло в наш карман. Поначалу мы химичили осторожно, вели двойную бухгалтерию, но позже, когда Гафура взяла под крыло центральная власть, стали наглеть по-черному. Никого не боялись.

Знали, что никто не посмеет нас тронуть, О любой комиссии, даже московской, узнавали заранее. Всех поили-кормили, заваливали подарками...

Да-а, Славка, сладко я пожил. Ни в чем себе не отказывал, любую прихоть ублажал...

Может, так оно продолжалось бы и донине, да тут подули свежие ветры. Новые люди пришли во власть и стали исправлять систему, не понимая, что делать это надо с умом. Иначе всё рухнет, и их же похоронит под обломками. Эх, давай, Славка, дернем за всё хорошее!

Он бросил на язык кусок сала, прожевал и запил из стакана.

– Так вот... Завели дела на самых ответственных персон. Покатили бочку и на Мирзоева. «Гафур, – говорю я ему, – посмотри, что творится в соседней республике? Под каких людей копают, какие глыбы висят на волоске!» – «Не переживай, Али-Баба, – начал успокаивать он меня. – Новая власть должна выпустить пар. Надо переставить две-три фигуры, принести в жертву двух-трех баранов. И все опять будет по-старому. Ты же знаешь мои связи. Поверь, ничего не случится. Так еще древние ханы поступали. Порадуемся, что молния ударила в соседский двор, а не в наш». – «Может, и так, Гафур, – соглашаюсь с ним, – а все же не мешает позаботиться о тайнике. Обидно, если потеряем все, что нажили неустанным трудом. Придется бедствовать на старости лет». А он в ответ: «Тайник, дорогой Али-Баба, я давно уже приготовил. Надежный. Как в сказке. Сим-Сим, откройся! Ни одна прокурорская собака не прнюхает». – «А мне ты разрешишь им воспользоваться, Гафур?» – «Конечно, дорогой! Когда придет время». Время пришло быстрее, чем мы могли вообразить.

Пустынцев тяжело вздохнул и продолжал:

– Не успели мы опомниться, как Гафур получил известие, что подписан ордер на его арест и следственная бригада уже в пути. «Алексей, – говорит он мне, – готовь машины. Возьмем Джамала и десять крепких парней. Едем в Ак-Ляйляк. Бери свой сундучок, я возьму свой...»

– Эх, Славка... Врагу не пожелаю такое пережить...

Мы выехали на трех машинах – двух «волжанках» и «уазике». Впереди Джамал с тремя парнями, в середине мы с Гафуrom, сзади – прикрытые.

Теперь, Славка, я должен рассказать тебе подробнее о кишлаке Ак-Ляйляк... Тебе-то самому приходилось бывать в Таджикистане?

– Мы сибирские, – туманно ответил я.

– Ну, тогда слушай. Для начала представь себе огромную кучу глины, которую месил сам господь бог, создавая Вселенную. Месил он ее, месил, ему надоело – бросил. Масса застыла, как попало. Так и образовался Памир – крыша мира. Но ещё до полного отвердения породы господь чиркнул пальцем вот тут – с краю, где предгорья, – и провел борозду. Может, случайно. Но получилось глубоченное и широченное ущелье с совершенно отвесными стенами высотой больше ста метров, а шириной километра полтора. По дну протекает речушка. Вот в этом-то ущелье – на дне, на приличном расстоянии от долины – и расположился Ак-Ляйляк. В этом кишлаке родился Гафур, там у него родственники через одного, так что лучшего места для тайника не придумать.

По дороге Гафур то и дело оборачивался назад, но пока все было спокойно. Без особых приключений мы добрались до Ак-Ляйляка. Солнце стояло еще высоко, но мы знали: едва оно опустится за вершину, как в ущелье мгновенно потемнеет, хотя небо над головой еще долго будет оставаться голубым. Светового времени у нас оставалось в обрез. Перед въездом в кишлак Гафур велел остановиться и собрал всю группу вокруг себя. «Мы с Али-Бабой едем дальше, – распорядился он. – Вдвоем, на «уазике». Ты, Джамал, следи тут за порядком. Лично следи, понял? А ошпоз (это повар) пусть приготовит плов. Если захочет Аллах, все будет хорошо». Джамал кивнул, но зыркнул на меня зверем. Гафур снова сделал выбор в мою пользу, ущемив его самолюбие. Но перечить хозяину Джамал не мог. Мы перенесли сундучки в «уазик», расположились сами, и я погнал вперед – водить Гафур не умел. Сразу же за кишлаком дорога кончилась. Еще какой-то отрезок можно было проехать по галечной отмели вдоль

русла реки, но каждая последующая сотня метров давалась все труднее. Рулить приходилось как фокуснику, объезжая валуны и каменные завалы. Иногда машина накренилась так сильно, что какая-либо пара колес отрывалась от земли. Мы продвигались с черепашьей скоростью, а солнце уже коснулось вершины, и противоположная сторона ущелья уходила в густую тень. В самом Ак-Ляйляке я бывал нередко – вместе с Гафуром, но здесь, за кишлаком, оказался впервые. Гафур хлопнул меня по плечу: «Стой, Алексей! Приехали». Я огляделся, прикидывая, где может находиться тайник, но ничего особенного не заметил. «Эта местность называется Змеиным ущельем, – сказал Гафур. – И недаром. Очень много змей. Они будут охранять наши сокровища. Но будь осторожен». – «Спасибо, что предупредил, Гафур». «Алексей... – сказал, чуть помедлив, мой спутник. – Мы с тобой дружим с молодых лет, делили последний кусок и доставали соль из одной солонки. Про этот тайник не знает никто. Даже моя семья. Даже Джамал. Теперь будешь знать ты». – «Я умею хранить тайны, Гафур. Тебе это известно». – «Я не о том, Алексей. Я не случайно взял тебя с собой. Ты – единственный, кому я могу доверять. Остальные – корыстолюбцы, которых блеск золота сводит с ума. Джамал тоже такой, хоть и мой близкий родственник. Алексей... Впереди трудные времена. Не знаю, что нас ждет завтра. Поклянись: если со мной что-нибудь случится, ты передашь этот сундучок моим детям. Но не сразу, а когда все уляжется». – «Хлебом клянусь, Гафур! Но и ты обещаешь в случае чего передать мои сбережения моей ленинградской племяннице». – «Аллах свидетель!» Он не был набожным, но если клялся Аллахом, то всегда выполнял обещание. А густая тень от противоположной стены уже пересекла речушку и подбиралась к машине. Гафур выбрался наружу и показал мне вход в тайник – удивительный, найти его невозможно, даже находясь рядом. Мы затащили внутрь свои сундучки, затем все привели в порядок и двинулись обратно к машине. Я сел за руль, поджидая своего пассажира. «Разворачивайся, – махнул рукой Гафур. – Я пока постою. Не хочется лишний раз трястись по камням». Развернуться и вправду было целой проблемой, тем более что ущелье полностью погрузилось во мрак. Я газовал, переключал скорости, дергал машину туда-сюда... Вот фары выхватили из темноты приземистую фигуру Гафура. Мои волосы встали дыбом. За спиной Гафура раскачивалась, раздув капюшон, крупная кобра. «Гафур! – заорал я. – Берегись! Змея!» А сам выхватил из «бардачка» пистолет. Но стрелять со своего места было не с руки, ведь я не левша. Гафур, только что сам предупреждавший меня об опасности, обернулся. И в ту же секунду кобра прыгнула. Я все же выстрелил – с левой, – но промахнулся. Гадина впилась в его бедро, захлестнув хвост вокруг ноги. Гафур упал, даже не вскрикнув. Кобра тут же исчезла в темноте. Когда я подбежал к Гафуру, он был мертв. Не от яда, тот действует не так быстро. Не выдержало сердце...

Я сделал все, что мог. Сначала прижег зажигалкой ранку, затем сделал массаж сердца, искусственное дыхание. Все впустую. Гафур был мертвее мертвого.

Я поднялся, и только тут до меня дошло, в какую скверную передрагу угораздило вляпаться.

В кишлаке, безусловно, слышали выстрел, и меня обвинят в том, что я убил Мирзоева, решив завладеть его сундучком. Мои объяснения никто не станет слушать. Джамал не упустит случая расправиться со мной. Но сначала потребует, чтобы я указал ему тайник. Как только он достанет оба сундучка, моя песенка спета. Я, конечно, могу поторговаться. Но, в лучшем случае, унесу целой голову, лишившись собственных накоплений и нарушив клятву, данную Гафуру. Если же в кишлак нагрянут оперативники, то, обнаружив труп Мирзоева, они обвинят меня в предумышленном убийстве посредством змеиного яда. Заодно навешают на меня всех собак. Словом, куда ни кинь, всюду клин.

Что мне оставалось, Славка?! Положение беспросветней ослиной задницы.

Но не таков Пустынцев, чтобы поднимать лапки кверху. Да еще перед придурками типа Джамала. Пусть поцелует своего ишака под хвост! Надо прорываться... Но как? Силой тут не возьмешь. В обойме пистолета пять патронов, а ущелье уже заблокировано – в этом я ничуть не

сомневался – молодцами Джамала, которые мигом превратят меня в решето. Другого пути нет. Скалы – настоящая вертикаль... А местных козых троп я не знал. Короче. Я снял с Гафура чапан и тюбетейку. Труп оттащил в тайник. Там и оставил. Прости, друг! Затем снова замаскировал вход. Заметив на галечной отмели большую ветку с отростками, я обломал ее как надо, прикрутил тросиком к заднему сиденью и обтянул чапаном так, чтобы получилась фигура, отдаленно смахивающая, тем более в темноте, на скрюченного человека. Спереди пришил тюбетейку. Получилось похоже. Затем сунул пистолет за пояс и двинул вперед – была не была!

Они ждали перед кишлаком, перекрыв дорогу «волжанкой». Горел костер. Но большой тревоги на лицах я не заметил. За несколько метров до засады я резко затормозил, высунулся в окошко и заорал благим матом: «Джамал! Скорее в машину! С хозяином беда! Кобра ужалила! Срочно нужен врач!» Он проглотил наживку. Открыл дверцу, влез внутрь и, забравшись коленями на переднее сиденье, протянул руку к чучелу: «Гафур-джан...» Не дожидаясь, пока мой обман раскроется, я чувствительно ткнул его стволом в бок: «Джамал, ты меня знаешь. Только пикни, и ты – покойник». «Чего ты хочешь?» – прошипел он сквозь зубы. «Скажи, чтобы нас пропустили. Мол, мы отвезем хозяина в больницу и вернемся». – «Что ты сделаешь со мной?» – «Отпущу, когда отъедем подальше. Ты мне не нравишься, Джамал, но я не живодер. Решай же быстрее, парни волнуются». Он знал, что я отлично понимаю и по-узбекски, и по-таджикски, и хитрить не стал. «Волга» развернулась, освобождая дорогу. Я нажал на газ. «Ты убил его, подлый пес! – проскрежетал Джамал. – Я знал, что тебе нельзя доверять». – «Заткни глотку, шакал! – в тон ответил я. – Моя совесть чиста. Гафура ужалила кобра. А если я схитрил, то сам понимаешь почему». – «Ты никогда не получишь того, что спрятал, – зло отчеканил он. – Я позабочусь об этом». – «Возьму, Джамал. Приду и возьму». – «Я вырежу твое сердце, Али-Баба, и брошу его собакам, а сам буду смотреть, как они пожирают его!» Каждая его клеточка источала яд, черней, чем у кобры. «Тебе, Джамал, только ребятишек пугать да древних старух», – ответил я, но, признаться, почувствовал себя неуютно. Это был очень опасный человек.

Тем временем наступила ночь, правда светлая, лунная. От кишлака мы отъехали километров двадцать. Дорога в том месте шла уже не по дну ущелья, а по карнизу: слева пропасть, справа – нависающие скалы. Мне бы довезти Джамала до самой долины. Но я уже не мог видеть его рядом с собой. Да и чего мне было опасаться? Ночью дорога совершенно пустынна. А пока Джамал доберется до кишлака пешком, я уже буду далеко. Я затормозил: «Джамал, вымчитайся!» – «Мы еще встретимся, собака!», – с угрозой пообещал он. – «Бывай, ишак отвязанный!» – не остался я в долгу

И тут сверху, у нас над головой, раздался голос.

– Эх! – вздохнул Пустынцев. – Забыл я, Славка, совсем забыл про чабанов, которые пасли отары на верхних пастбищах! Один из них, услышав странный шум на ночной дороге, подъехал к краю карниза и окликнул Джамала, узнав его по голосу. В следующую секунду Джамал, как коршун, набросился на меня. Был он жилист и проворен, а ненависть удваивала его силы. При этом он орал по-своему во всю глотку, требуя, чтобы чабан спустился вниз по козьей тропе и помог ему справиться с убийцей хозяина. В следующую секунду раздался выстрел. Передо мной, в свете фар, взметнулся фонтанчик пыли. Стрелял, несомненно, чабан. Он подавал сигнал, что услышал призыв и что держит машину под прицелом. Рядом с ним могли находиться другие чабаны. И для всех для них слово Джамала было законом. Я оказался в чертовски сложном положении, Славка!

Единственным выходом было немедленно избавиться от Джамала и жать на газ. Да-а-а... Уж не знаю как, но мы, сцепившись, вдвоем оказались на дороге, у самой ее обочины, той, что тянулась вдоль бездонной пропасти. Уф! Давай выпьем, Славка, душа горит!

Сделав изрядный глоток, он продолжал:

– Словом, один из нас остался на дороге, второй сорвался в темную пропасть. Кто – куда, догадайся сам. Я рванул к машине, и тут над моим ухом просвистела пуля. Оказывается,

ловкий пастух успел уже спуститься с кручи на дорогу и, оценив ситуацию, пальнул в меня из своей двустволки. Лишь чудо спасло меня. Но я понимал, что следующим выстрелом он уложит меня наповал. Эти чабаны – люди весьма решительные. Не размышляя более ни секунды, я рванул пистолет, который был у меня за поясом, и пальнул в своего непредвиденного противника. Бедняга рухнул, как подкошенный. А что мне оставалось, парень, посуди сам? Необходимая оборона...

И тут откуда-то из пропасти послышался голос. Мурашки так и побежали у меня по коже. Ну, вот, промелькнуло у меня в голове, шайтан пришел по мою душу! Нет, дружище, не за себя я боялся. Я думал об Иришке, о Валентине – ее матери, которые останутся одни, без всякой поддержки, если меня не станет.

Мучительные стоны, будто сатана уже взялся за работу, терзая души грешников, послышались снова. Осторожно я приблизился к краю пропасти. Ярко светила луна, но и она не доставала до дна ущелья, где царствовала тьма, напоминавшая о преддверии ада. Собрав все свое мужество, я сделал еще шаг и посмотрел вниз. В каких-нибудь трех метрах ниже, уцепившись за корявое, с острыми, как ножи, ветвями деревце, невесть как выросшее из расщелины почти горизонтально, висел Джамал. Лунный свет выхватывал из кромешной мглы его художную фигуру. Левая рука Джамала была неестественно вывернута и висела, словно набитый опилками чулок, вместо левого глаза зияла страшная рана...

Несомненно, заслышав выстрелы на дороге, он посчитал, что со мной покончено, и ждал, когда верный чабан придет ему на помощь. Его жизнь, как говорится, висела на волоске, но видел бы ты, Славка, сколько лютости проявилось во всем его облике, когда он понял, что события повернулись иначе!

В обойме у меня оставалось еще три патрона. Я прицелился, но понял, что убить его мне будет непросто. Все же я не мокрушник, и чужая жизнь для меня свята, даже если это жизнь врага... Тут я заметил, что деревце медленно выворачивается с корнем. Еще немного, и оно сделает работу за меня. Что ж, значит, так распорядилась судьба... А Джамал продолжал смотреть на меня своим уцелевшим правым глазом, и не было в его жутком взгляде ни страха, ни мольбы, ни покаяния, а только ненависть, такая неистовая, что могла бы расплавить пулю на лету.

И всё-таки я решил протянуть ему руку, хлебом клянусь! Еще миг, и я вытащил бы его. Мне оставалось только убрать пистолет.

Как вдруг вокруг меня появились люди! Мне заломили руки, вышибли пистолет, уложили мордой на щербатый асфальт... Двое других вытащили наверх Джамала. Какое-то время я был уверен, что действуют напарники убитого мною чабана. Но вскоре выяснилось, что это оперы, посланные в Ак-Ляйляк для ареста Гафура. Они как раз подъезжали со стороны долины к крутому повороту, когда слышали выстрелы сверху, произведенные чабаном, и неслышно подкрались к повороту. Всё дальнейшее происходило у них на глазах. Представляешь картину, да? В свете фар моего «уазика» они видели, как я стреляю в чабана, как прицеливаюсь в Джамала... В моей машине нашли халат и тубетейку Гафура...

Какие еще нужны доказательства?

В ходе следствия я твердо придерживался версии, что Мирзоев ушел в горы. Один. Куда конкретно, что имел при себе – понятия не имею. Мне он не доверял. После его ухода мы, утверждал я, крепко повздорили с Джамалом – на бытовой почве. Я оказался в меньшинстве и потому решил удрать. Словом, я говорил чистую правду, умолчав лишь о тайнике.

Джамал, как это ни покажется тебе странным, давал показания в мою пользу. Да, Мирзоев ушел в горы один, клялся он. Да, никому не доверял. Да, у нас возникла ссора из-за давнего долга. Я удрал, он бросился в погоню. Да, были выстрелы, но это не убийство, а неосторожность, возникающая из-за темноты. Он делал все возможное, чтобы я схлопотал как можно меньший срок. Ибо добраться до тайника он мог только с моей помощью и отлично понимал

это. Но тут вскрылись еще кой-какие мои грешки... Словом, вкатили мне пятнадцать лет с конфискацией имущества. Вот когда я порадовался, что вовремя спрятал накопленное.

Джамал, вероятно, надеялся, что тянуть срок я буду где-нибудь в Средней Азии, и он сумеет подослать ко мне верного человечка. Но меня сразу же отправили в Забайкалье. Сюда руки Джамала не доставали... А там и империя развалилась.

Пустынцев перевел дыхание.

– Сто раз мог бы я выйти по амнистии, если бы не вляпался уже там в одно скверное дело. Так что вместо амнистии мне припаяли новый срок. Лишь около месяца назад я вышел на волю. А пока был в отсидке, жизнь повернулась круче, чем перо в боку. То, за что нас когда-то тягали, нынче в почете. Бизнес! Взяли меня хоть и не юношей, но здоровым, зрелым мужиком, а сейчас, погляди, я немощный, жалкий старик. Не имею ни кола ни двора, ни родины, ни семьи. Никого, кроме Иришки... И того сундучка, который даст мне возможность хоть немного пожить по-человечески после тюремной баланды. Дом этот я снял временно, на полгода, считай, на последние трудовые гроши... И насчет огурцов ты прав, Славка! Не солил я их. Купил на рынке.

Теперь ты понимаешь, парень?! Хлебом клянусь, я рассказал тебе все как на духу! Теперь ты ущутил, как важно для меня заполучить свой сундучок? Да и наследством Гафура нужно распорядиться...

Некоторое время за столом царило молчание. Очевидно, Пустынцев понимал, что мне нужна пауза для принятия окончательного решения.

Я же соотносил его рассказ с тем, что знал об этой истории от Деда.

В сущности, Пустынцев выбрал самую верную тактику. Он рассказал мне часть правды. Упустив лишь такие «мелочи», как наркоторговля, умышленное убийство Мирзоева, свои последние занятия рэкетом... Нукеры из конно-спортивного клуба превратились у него в мирных чабанов, автоматы – в охотничьи двустволки... О пухлой папке, которая обладает особой ценностью, он не обмолвился ни словом...

Вместе с тем, у меня не было никаких оснований для того, чтобы опять изображать из себя скептика. Сейчас, по совету Деда, мне нужно было показать, что я верю Пустынцеву и ценю его искренность.

Еще два три наводящих вопроса...

Я вскинул на собеседника глаза:

– Послушайте, Алексей Гаврилович! Прошло столько лет. Может, Джамал давно помер. Или все забыл...

– Ты думаешь, до зоны не доходят никакие вести? – сощурился Пустынцев. – Э, нет, милый... Все, что нужно, я узнавал окольными путями. Джамал хоть и стал инвалидом, но здоровье у него, старого шакала, железное. Он еще нас всех переживет. Сейчас он безвылазно торчит в Ак-Ляйляке и поджидает меня. Он знает, что рано или поздно я приду за сундучком. На маршруте у него повсюду глаза и уши. Стоит мне выйти из самолета в любом таджикском аэропорту, как самое большее через час он узнает об этом. Впрочем, он хорошо понимает, что сам я не рискну отправиться за сундучком. Для меня это верная смерть. Но вот беда: он знает и всех моих старых друзей. Да, верные товарищи у меня еще остались, и они по-прежнему готовы рискнуть головой ради проверенного друга. Но всё это уже старые, больные люди, и я не могу просить их о подобном одолжении. Вот, Славка, и ответ на твой вопрос. Единственный шанс добраться до сундучка – это довериться порядочному человеку со стороны, которого порекомендует Ирина. Получилось, что это – ты.

Я почесал затылок.

– В этом, конечно, есть своя логика. Но, судя по вашему рассказу, в кишлаке каждый приезжий на виду. Ладно, про себя я не говорю, но вот в том, что Ирину не приметит разве что слепой, сомневаться трудно. – Хороший вопрос, – кивнул Пустынцев. – Я бы сказал, лучший

из твоих вопросов. Он лишний раз доказывает, что котелок у тебя варит здорово. Но и на этот твой вопрос, Славка, у меня найдется хороший ответ. Скажу не хвастаясь: отличный ответ!

– Ну давайте, я послушаю...

На губах Пустынцева заиграла плутоватая усмешка.

– В Ак-Ляйляке и поныне вспоминают, что когда Гафур был в силе, то многое делал для кишлака. Дорогу в долину расширили и заасфальтировали – его заслуга. Электричество провели, клуб построили, новую школу, гаражи для автовладельцев – он постарался. Хотел он еще одно доброе дело сделать, да не успел. Штука в том, что речушка, протекающая через Ак-Ляйляк, которую летом курица переходит вброд, весной превращается в грозный поток, а раз в пятнадцать-двадцать лет и вовсе выходит из берегов, смывая плодородный слой земли, который жители привозят издалека.

Где-то в середине восьмидесятых в Средней Азии была популярной идея строить на горных речушках малые ГЭС с небольшим водохранилищем. Отличная, кстати сказать, идея, утверждаю как специалист. Запас паводковых вод помогает решать уйму проблем. Благодаря своему авторитету, Гафур добился, чтобы строительство малой ГЭС выше Ак-Ляйляка включили в перспективный план. Дело уже считалось решенным. В кишлак приехали изыскатели. Из Ленинграда, между прочим. Среди топографов была молодая белокурая девушка, которая носила джинсы. Все кишлачные мужчины со вздохом смотрели ей вслед. Но Джамал по поручению Гафура строго всем объявил: кто обидит ее хоть словом, будет иметь дело лично с хозяином. Но и без наказа никто не посмел бы ее обидеть. Среди местных изыскатели считались особенными людьми. Ведь они приехали, чтобы продвигать создание водохранилища – рукотворного озера в горах! – Пустынцев покачал головой: – А жаль, всё-таки, что эта хорошая идея так и осталась благим пожеланием! Сначала «хлопковое дело», затем развал империи, затем гражданская война в долине – тут уж стало не до малых ГЭС, сам понимаешь! – Он сощурился: – Однако же сейчас даже в тех краях началось кое-какое экономическое оживление. Поэтому если в Ак-Ляйляке появится пара-тройка изыскателей – с теодолитом, с рейкой, с прочими причандалами, то в кишлаке это будет воспринято абсолютно нормально. Не удивит и то, если в числе изыскателей окажется молодая белокурая женщина в джинсах. Этот образ еще памятен многим мужчинам кишлака! Вот на этом, Славка, и строится мой замысел. Вы с Ириной приедете в кишлак под видом топографов. Как видишь, дело практически безопасное. Я уж не говорю о том, что изыскания вы будете проводить как раз в той стороне ущелья, где находится тайник! – он в очередной раз хлопнул по столу своей мясистой ладонью.

– Хм, это звучит обнадеживающе, – я сделал вид, что целиком подпал под власть его чар. – Но вы только что обмолвились о «паре-тройке» изыскателей. Значит, кроме нас с Ириной, предполагается еще кто-то третий?

– Это будет настоящая топографическая экспедиция? – с важностью заявил Пустынцев. – Я дам тебе адрес одного своего друга из Ходжента. Зовут его Дадо. Ты, как более младший по возрасту, можешь называть его Дадо-ака. Когда-то я его здорово выручил, и он ради меня в лепешку расшибется. Человек он влиятельный и организует вашу экспедицию на должном уровне. Даст пару автомобилей, вагончик, инструмент, даже какую-нибудь гербовую бумагу с печатью. Даст надежного парня из местных, потому как в Ак-Ляйляке без знания языка вам придется туговато. Что скажешь теперь?

– Хорошо бы взглянуть на этого надежного парня из местных. Он не заложит нас Джамалу?

– Не заложит, даже если бы знал всю подоплеку дела. Но он не знает. Он будет считать, что вы – действительно специалисты из России, направленные в республику по межправительственному соглашению. Этот человек будет для вас и водителем, и гидом, и переводчиком, и телохранителем. Тебе останется лишь незаметно взять содержимое тайника. Ребенок справится. Ну, как, согласен?

– В общем, вы меня убедили. Предприятие хоть и рисковое, но осуществимое. Отчего бы не заработать по-крупному? Денежки всегда пригодятся. Тем более что мне они нужны не на кутеж, а для дела.

Мой ответ явно его обрадовал. Он снова потянулся к бутылке:

– Давай, Славка, дернем за удачу!

– Но вы не ответили на главный вопрос: где тайник?

Пустынцев весело рассмеялся, блеснув золотом зубов.

– Разве я похож на дурака? Нет, Славка! О приметах тайника ты узнаешь позже, в кишлаке.

– От кого? От Ирины?

– Иришка для меня как дочь... – Его глазки подернулись сентиментальным туманом.

– Ты, Славка, не обижай ее. И не изводи излишними расспросами. Потому как знает она не больше твоего.

– Не понимаю... Значит, в кишлаке у вас все же есть человек, который посвящен в тайну?

– Ты все узнаешь в свое время, – повторил он. – Тебе же так спокойнее. Согласен?

– Может, вы и правы...

– Конечно, прав! Но вот тебе подсказка: ищи в кишлаке город. Как найдешь, там и тайник.

Ладно, походи крикни Иришку, а то совсем заморозим бедную девчонку. А я, пожалуй, прилягу. Ночь не спал, веки будто свинцовые. Сейчас сосну минут на двести.

– Вы, Алексей Гаврилыч, «сова», – не удержался я.

– Скорее уж филин, – поправил он. – Хотя разница невелика. Ну, отдыхай. Располагайся, где тебе удобно. Места хватит всем. Вечерком баньку протопим. Да не стесняйся. Я вам с Иришкой не помеха.

Он поднялся и прошел куда-то в глубь дома, плотно прикрыв за собой дверь.

Я же некоторое время еще просидел за столом, анализируя историю, рассказанную Пустынцевым. Как бы там ни было, но идея топографической экспедиции показалась мне весьма конструктивной. Может, и удастся проникнуть в пещеру главаря «сорока разбойников»?

Я отправился звать Ирину.

7. ПОСЛЕДНИЕ НАПУТСТВИЯ

Ирина, распластавшись на полке, только повизгивала, пока я массирую и намазывал ей спину.

—

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.